

МОЛОДОЙ
учёный

III Международная научная конференция

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Казань

УДК 32
ББК 66
В74

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Вопросы политической науки: материалы III Междунар. науч. конф.
В74 (г. Казань, май 2017 г.). — Казань : Издательство «Бук», 2017. — iv, 62 с.

ISBN 978-5-906954-01-5

В сборнике представлены материалы III Международной научной конференции «Вопросы политической науки». Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов политологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 32
ББК 66

ISBN 978-5-906954-01-5

© Оформление. ООО «Издательство Молодой ученый», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Ребров С.А.

Политическая теория либерализма и марксизма:
исторические пути и современность. 1

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ.
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА**Водолеев К.К.**

Переименование названий как тренд времени. 10

Мурыгина М.В.

Проблема политического доверия граждан России к власти
и элементы протестных настроений в обществе 15

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ**Жмилевский В.Д.**

Россия и Турция. Партнёрство ради мира 21

Казаков С.В.

Конфликт в Южно-Китайском море как часть противостояния
США и Китая в АТР. 28

Середнев В.А.

К вопросу «нового» видения сущности терроризма и личности террориста.
Проблема «асимметрии». 35

Шегаев И.С.

Подходы к определению исламского радикализма. 56

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Политическая теория либерализма и марксизма: исторические пути и современность

Ребров Сергей Александрович, магистрант;
Научный руководитель: Завершинский Константин Фёдорович,
доктор политических наук
Санкт-Петербургский государственный университет

В работе подробно рассматриваются исторические особенности политических идеологий марксизма и либерализма. Автором были проанализированы основные идейно-теоретические основы обеих идеологий, и был произведён их сравнительный анализ в историческом и современно-политическом контексте. Также была выдвинута гипотеза о том, что у данных политических идей гораздо больше общих точек соприкосновения, чем утверждают сторонники обоих течений.

Ключевые слова: политическая теория, политическая идеология, либерализм, марксизм, сравнительный анализ

Political theory of liberalism and marxism: historical ways and modernity

The article examines in detail historical peculiarities of political ideologies of marxism and liberalism. The author analyzed the basic ideological and theoretical foundations of both ideologies, their comparative analysis was made in a historical and modern-political context. There is also a hypothesis that these political ideas have many more points of contact than supporters of general trends.

Keywords: political theory, political ideology, liberalism, Marxism, comparative analysis

Конфликтное состояние ведущих политических теорий и идеологий давно стало восприниматься как само собой разумеющийся феномен. Весь двадцатый век можно, в принципе, охарактеризовать как век противостояния идеологий. Особенно это касается таких политических идеологий как либерализм и марксизм. На протяжении всего двадцатого века эти идеи считались наиболее враждебными друг друга и их носители воспринимали друг друга не как иначе, как врагов.

Но именно поэтому и представляется весьма интересным и продуктивным с научной точки зрения, анализ исторических особенностей либеральной и марксистской теорий, их сравнение и выделение общих точек соприкосновения, которые неизбежно существуют во всех ведущих политических идеях.

Предметом исследования выступают исторический и современно-политический характер озвученных политических идей. **Объектом** же являются сами по себе либеральная и марксистская идеология как антиподы и взаимозависимые течения.

Гипотезой же исследования является вывод о том, что данные политические идеи обладают, куда большими сходствами, чем утверждают их идеологи и сторонники. **Источниками** настоящего исследования выступили работы различного формата (книги, статьи, и монографии).

Научная новизна работы: многими исследователями вопросы политических идеологий кажутся устаревшими и бесперспективными, на наш же взгляд, эпоха политического противостояния идей явно далека от завершения и анализ непосредственно тех течений, чьё противостояние являлось основой прошлого века, кажется нам весьма заслуживающей изучения.

В истории политических теорий и идей трудно обнаружить столь противопоставляемые друг другу идейно-теоретические течения как либерализм и социализм (особенно именно марксистский вариант социализма). Касаясь классической типологии политических идеологий, нельзя не отметить, также существование консерватизма, как политической альтернативы и либерализму, и марксизму. Со времён Великой Французской революции консервативные идеи составляли жёсткий антипод, как либерализму, так и появившемуся позднее, марксизму. В дальнейшем политическая теория консерватизма проходила значительную трансформацию, пришедшую, в конечном итоге к консенсусу с либеральными теориями по большинству параметров. Некоторые же современные исследователи вообще полагают, что с прошествием времени, консерватизм стал скорее складом человеческого ума, чем полноценной политической теорией [1].

Как целостные и структурированные учения, марксизм и либерализм прошли долгую историю становления и развития. Возникнув именно как революционные учения, оказавшие колоссальное влияние на весь ход мировой истории, марксистские и либеральные подходы стали жёсткими антиподами, порождающими ожесточенную борьбу, как внутри самих себя, так и между собой. Однако, несмотря на богатую историю противостояния данных политических теорий, однозначно заявлять об их полной противоположности нельзя.

Либерализм как устойчивая политическая идея являлся отражением идей Великой Французской революции, положившей начало большинству аспектов политического процесса в современном мире. Идеология революции смогла привнести актуальные для конца восемнадцатого века идеалы, положившие начало становлению европейского капитализма.

По своей сути, либеральные идеи, будучи радикально-революционными для своего времени, на протяжении многих десятилетий всегда оставались доктриной тех, кто относил себя к центру политического спектра, то есть центристов. Либералы на протяжении всей истории следовали концепции «третьего пути», противопоставляя себя двум крайностям с обеих частей политического спектра [2].

- 1) 1815–1848 (против реакционеров и демократов)
- 2) 1919–1939 (против фашистов и коммунистов)
- 3) 1945–1960 (против империалистов и националистов)
- 4) 1960–н. д. (против шовинистов и леворадикалов)

Точками отсчёта для либеральной идеологии в идейно-теоретическом плане являются две ключевые работы:

1) Работа английского философа **Джона Локка «Два трактата о правлении»**, ставшая учебником политического либерализма. В данной работе обосновываются преимущества диктата собственности над политикой, роль государства сводится лишь к функции «стража собственности», а гарантом государственной роли служит общественный договор.

2) Работа шотландского экономиста и философа **Адама Смита «Богатство народов»**. В ней Смит одним из первых обосновывал развитие рыночных отношений и их перспективу для развития экономики. Государству отводилась лишь роль «ночного сторожа», не вмешивающегося в экономический процесс.

В дальнейшем, под влиянием общественно-экономических и политических преобразований различные либеральные концепции проходили постепенную эволюцию и изменялись. Однако, несмотря на значительные трансформации, фундаментальным вопросом идеологии либерализма так и остался вопрос о

том, где именно проходят границы частного и государственного в рамках свободной рыночной экономики.

Исторически под влиянием общественного запроса на социальную поддержку, изменению подверглась и сама по себе либеральная идея, в частности была пересмотрена роль государства в общественно-экономической жизни, что послужило появлению идей «социального либерализма», сделавших попытку, совмещения свободного рынка с социальной поддержкой населения.

Несмотря на радикальные изменения, главный принцип классической европейской либеральной традиции «минимум государства — максимум рынка» не потерял актуальности и находит своё отражение в современных подходах [3]. Вопрос о том, где находятся границы государственного и частного, и является главным критерием различия современных теоретических либеральных парадигм.

На данный момент каких-либо универсальных типологий либерализма не существует, но идейно-теоретические концепции либеральных теорий можно условно разделить в соответствии со шкалой «частное — государственное».

1) Либертариистский либерализм — направление, отстаивающее принцип «нулевого государства».

2) Утилитаристский либерализм — направление, поддерживающее содействие благосостоянию населения (богатство большинства — польза).

Оба направления содержат общее **«критическое ядро»**, включающее в себя три основных критерия:

- свобода;
- «минимальное государство»;
- счастье — благосостояние — эффективность.

Взаимодействие между либертариистским и утилитаристским типами либерализма обеспечивают разнообразные экономические теории, выражающими позицию, что экономика, основанная на свободном рыночном обмене, способна всецело удовлетворить потребности населения, согласно «Критерию Парето» (этический принцип счастья индивида).

Для представителей либертариистского направления критерием счастья является свобода обмена, в то время как, с точки зрения утилитаристов, подобная общественно-экономическая система не совершенна и нуждается в дополнительных средствах защиты.

Исторический путь либеральной политической идеологии, несмотря на коренные изменения, продолжается и до сих пор, либерализм является доминирующей политической доктриной в мире, однако это не означает каких-либо

трансформаций как внутри самой либеральной идеи, так и в контексте её влияния в современном мире.

Проводя аналогии с либерализмом, марксизм точно также возник именно как революционное учение, направленное на трансформацию общественно-экономических отношений. Как и либеральные концепции, марксистские идеи неразрывно связаны с капиталистическим обществом.

Бурное развитие капиталистического способа производства в Европе способствовало не только прогрессивному преобразованию и развитию науки и техники, но также появлению рабочего класса и колоссальным ростом экономического неравенства. Однако если либерализм зародился именно как идеология капитализма, обосновывающая преимущества его развития, то марксизм же с самого начала обозначился именно как антикапиталистическое направление.

Идейно-теоретические основы марксистских идей, получивших своё наименование, от немецкого философа и экономиста, Карла Маркса, являются комбинаций трёх составных частей.

1) Немецкая классическая философия (диалектика Фридриха Гегеля и материализм Людвиг Фейербаха).

2) Классическая английская политическая экономия (работы Адама Смита и Давида Риккардо).

3) Французский утопический социализм (Оуэн, Фурье, Сен-Симон) [4].

Работы Маркса, многие из которых, были написаны в соавторстве с Фридрихом Энгельсом, оказали колоссальное влияние не только на развитие политической мысли, но и на весь ход мировой истории. Немецкий мыслитель предложил радикально иной вариант подхода не только к политическим, экономическим и социальным феноменам, но и к самому процессу построения и функционирование общества на основе смены общественно-экономических формаций в форме классовой борьбы.

Исторически радикальные социалистические проекты существовали задолго до появления марксизма («Утопия» Томаса Мора, «Город солнца» Томасо Кампанеллы и тд), однако они изначально были ориентированы на абстрактно-философский уровень построения общества. Иден же Маркса позиционировались как сциентически-направленные, что в дальнейшем выразилось в распространении марксизма в интеллектуальной и партийно-политической среде.

В дальнейшем, марксизм быстро становится доминирующим направлением левого политического спектра и само по себе учение Маркса становится си-

нонимом термина «социализм». Параллельно с этим, в связи с различными теоретическими интерпретациями, происходило развитие различных ответвлений марксистской теории, которые большинством теоретиков, воспринимались как «оппортунизм» или «ревизионизм». Многие исследователи описывают такие явления непосредственно как особенности развития марксизма как такового. Однако, если же мы рассмотрим точку зрения немецкого социолога и философа, Карла Мангейма, то согласно его идеям, подобная неприязнь к новым концепциям характерна для любых идеологий из-за их внутренней консервативной сущности [5].

После Октябрьской революции и раскола в международном социал-демократическом движении, основная часть марксистской теории была разделена на два лагеря: **советский марксизм-ленинизм** (сталинизм) и **западный марксизм** (в дальнейшем трансформировавшимся в неомарксизм). Несмотря на общую основу в виде работ самого Карла Маркса, оба данных течения существовали, и развивались абсолютно по-разному. Советский марксизм-ленинизм был догматизирован и лишён какого-либо теоретического развития и обновления, вследствие того, что он был государственной идеологией СССР, а затем и стран Восточного блока. Тем не менее, советский марксизм являлся действительным руководством к действию большинства коммунистических партий в мире, вплоть до появления маоизма и еврокоммунизма.

Западный неомарксизм же находился в постоянном развитии и обновлении (критическая теория общества, структуралистский марксизм и тд), но в отличие от советского образца, неомарксизм находился лишь на академическом уровне и так и не стал практико-ориентированной идеей политических партий и движений в долгосрочной перспективе [6].

Говоря непосредственно о современном марксизме, то стоит признать, что он также находится чисто на академическом уровне. Ведущие неомарксистские теоретики разных областей науки (социологии, политологии, экономики, философии и т. д.) чаще всего являются научными сотрудниками университетов, занимаясь чисто академическими исследованиями. Какие-либо политические партии, относящие себя к коммунистическим или иным представителям леворадикального направления, как правило, не заинтересованы в теоретико-творческом развитии собственных идей, занимаясь лишь эксплуатацией отдельных фрагментов старых марксистских концепций.

Главным же вопросом современного марксизма является дилемма об окончательном ударе по капитализму. Основной проблемой в данном контексте является вопрос о том, будет ли это действительно окончательный удар по ка-

питалистической системе или же это перейдёт в очередной реформистский проект, который в очередной раз продлит существование капитализма, сгладив классовые противоречия.

Касательно различий и столкновений либерального и марксистского подходов написано немало статей и книг, однако уместно ли полагать, что у столь непримиримых идеологий не существует общих точек соприкосновения? В целом общие позиции можно найти во всех политических теориях, однако, на наш взгляд либерализм и марксизм являются наиболее близкими друг другу идейно-теоретическими концепциями, несмотря столь агрессивное противостояние сторонников с той и с другой стороны.

Для подтверждения нашей гипотезы, мы рассмотрим либерализм и марксизм через несколько их составных частей.

1) Рационализм и сциентизм

Как отмечалось выше, либерализм и марксизм как идейно-теоретические концепции являются порождением капитализма и эпохи просвещения. В отличие от того же консерватизма, ориентированного на иррациональность человеческого поведения, либералы и марксисты с самого начала выдвинули собственные антропологические концепции, основанные на рациональности человека. Человек и общественные отношения рассматриваются в расчётливом контексте, основанном на личной выгоде того или иного индивида. Либералы, как и марксисты, выступали против невежества и мракобесия, поддерживая научное мировоззрение.

Различия же касаются моделей поведения рациональных индивидов и самого по себе подхода к доступности научных взглядов. С точки зрения либерализма капиталистические отношения и демократическая форма правления являются закономерным этапом развития общества, позволяющим раскрыть потенциал каждого индивида. Представители марксистского лагеря не спорят с данным утверждением, лишь дополняя, что капитализм всего лишь одна из формаций, закономерным этапом и должна в будущем смениться другой. Марксисты рассматривает рыночную экономику через систему эксплуатации человека человеком и получения прибавочной стоимости частными собственниками. С данной точки зрения вся система частного предпринимательства в целом является лишь продуктом своего времени и в будущем должна отмереть вместе с капиталистическим способом производства.

Взаимные обвинения в лженаучности сопровождали представителей либерального и марксистских подходов на протяжении всего периода их взаимодействия, который продолжается и до сих пор. Интересным же для нас является

именно то, что данные политические теории продолжают настаивать на своей научно-рациональной сущности с постоянным оперированием к достижениям научного прогресса [7].

2) Благосостояние населения

Вопрос повышения уровня благосостояния является одним из наиболее востребованных тем в обывательской среде. Либерализм и марксизм подходят к вопросу с разных позиций, при этом выражая положительное отношение к повышению благосостояния. Марксизм рассматривает социально-экономическое неравенство как естественный феномен капиталистического общества и единственно-возможным средством его снижения является смена общественно-экономической формации и преодоление процесса отчуждения труда. Либералы же, поддерживая само повышение благосостояния, отдают предпочтение личному стимулированию индивидов к наращиванию собственного капитала. В зависимости от различного течения, сторонники либерализма могут выступать за большую или меньшую поддержку малоимущих в рамках рыночной экономики, но либеральные критерии справедливости именно зациклены на мысли о том, что справедливость состоит лишь в стартовых правах и возможностях индивидов [8].

3) Мировой политический процесс

Говоря о процессе взаимоотношения между государствами в рамках международных отношений марксистское и либеральное определение стандартов, как правило, разделяют. Если же мы рассмотрим в качестве марксистского подхода конкретно советский, то можно проследить весьма интересные сходства с либеральным.

— Советский марксизм, как и либерализм, отстаивал принципы самоопределения наций.

— Оба направления выступали за экономическое развитие менее развитых государств через навязывание рынка или же командно-административной экономики советского образца.

— Сторонники либерализма и марксизма открыто заявляли о собственной вере в универсальные ценности, подходящие для любого народа (демократические или пролетарские).

— И либералы, и марксисты, относили себя к приверженцам демократии (либеральной или народной) [9].

Условно говоря, весь двадцатый век можно охарактеризовать не только как век политических идеологий, но и как век идеологического противостояния либеральных и марксистских идей, доминировавших как в области политики,

так и в научной среде двух враждующих политических союзов. Несмотря же на объявленную победу либерализма и крах марксизма в начале девяностых годов, однозначно заявлять о завершении эпохи противостояния данных политических теорий преждевременно. Особенно в контексте обострения проблем социально-экономического неравенства как внутри государств, так и между странами — участницами мировой политики.

Литература:

1. М. Оукшот. Рационализм в политике. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 25 с.
2. И. Валлерстайн. После либерализма. — М.: УРСС, 2003. — 1 с.
3. Р. Нозик. Анархия, государство и утопия. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 423 с.
4. В. И. Ленин. Три источника и три составных части марксизма. — М.: Издательство политической литературы, 1973. — Соч., т. 23, 40 с.
5. К. Мангейм. Консервативная мысль. — М.: Социологические исследования, 1993. — 138 с.
6. Б. Ю. Кагарлицкий. Марксизм. Не рекомендовано для обучения. — М.: Эксмо, 2005. — 18.
7. Г. Мусихин. Очерки теории идеологий. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. — 288 с.
8. Д. Ролз. Теория справедливости. — Новосибирск.: Издательство Новосибирского университета, 1995. — 535 с.
9. И. Валлерстайн. После либерализма. — М.: УРСС, 2003. — 53 с.

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Переименование названий как тренд времени

Водолеев Кирилл Константинович, студент

Пермский государственный медицинский университет имени академика

Е.А. Вагнера

Ключевые слова: социологический опрос, внутренняя политика государства, переименование улиц

В последнее время в нашей стране можно наблюдать настоящий бум на переименование разнообразных объектов, начиная с названий улиц, площадей и парков, заканчивая хозяйственно-бытовыми объектами [2]. Эта тенденция не обошла стороной и г. Пермь [1, 10]. Так, с точки зрения Владимира Гладышева (председателя городского клуба «Пермский краевед», члена общественного совета по топонимике): сегодня «В Перми завал морально устаревших улиц, люди не чувствуют своих корней, поэтому самостоятельно выходят с предложениями о переименовании улиц-дублеров, улиц имен палачей. Так, например, инициативная группа Кировского района вышла с предложением в Пермскую городскую думу о переименовании улицы Каляева (названную в честь убийцы князя Сергея Александровича Романова) в ул. Генерала Скобелева. Представители ОАО «Мотовилихинские заводы» предложили переименовать улицу Розалии Землячки (названную в честь «фурии красного террора») в улицу Юрия Николаевича Калачникова (академик, конструктор, лауреат Ленинской и Госпремий)» [6]. В состав пермского Совета по топонимике входят не только представители администрации г. Перми и именитые журналисты, но также известные краеведы и представители пермских исторических архивов [9]. Таким образом, главной целью становится сохранение культурного и исторического наследия.

С точки зрения автора статьи, массовое переименование улиц, площадей, скверов, мостов и т. д. является проявлением популизма со стороны власти. Популизма как «вида активности политических масс, направленных на привлечение интереса простых людей» [4, с. 649]. Популизма, чьей целью является ликвидация «негативных оппозиционных настроений людей» и интеграция общества [4, с. 650]. В качестве ядра такой социальной консолидации может выступить общее историческое прошлое. Другими словами, переименование улиц становится важным компонентом российской информационной повестки дня и, соответственно, одним из элементов новых информационных войн [3, 4].

В феврале-марте 2017 года, в рамках деятельности научной секции кафедры «истории Отечества, истории медицины, социологии и политологии» Пермского государственного медицинского университета имени академика Е. А. Вагнера, автором статьи был проведен опрос в форме анонимного анкетирования. Цель анкетирования заключалась в выявлении отношения студентов 1 курса педиатрического факультета к переименованию названий улиц. В качестве респондентов выступили 28 человек в возрасте 17–21 лет мужского и женского пола. В целом, большая часть респондентов (61 %) относится к этому процессу нейтрально.

Категорически против переименования улиц выступает каждый четвертый респондент (25 % — эти данные коррелируют с опросом, проведенным ВИЦОМ в 2009 году) [8]. Прежде всего, из-за проблем с ориентацией на местности (57 %) и проблем со сменой документов (29 %). Также респонденты отмечают: искажение истории объекта (14 %), полную бессмысленность данного мероприятия (14 %) и игнорирование мнений простых людей (14 %). Треть респондентов, высказавшихся негативно в отношении переименования улиц, убеждены, что финансовые потоки можно направить на решение и более значимых вопросов.

Каждый седьмой респондент (14 %) воспринимает идею переименования улиц благосклонно. Основные аргументы сводятся к следующему: «многие улицы в Перми носят свои названия в честь советских «террористов» и «душегубов» (46 %); «в названиях улиц необходимо увековечить память выдающихся людей» (32 %); «улицам необходимо вернуть исторические, первоначальные названия» (18 %) и «специалистам лучше знать» (7 %).

Более половины респондентов относятся к переименованию улиц с «советскими» названиям нейтрально (54 %).

Переименование улиц должно зависеть, прежде всего, от мнения всех людей, проживающих в стране (61 %). Более трети респондентов полагают, что это сугубо личное дело людей, проживающих на данной улице (36 %). Менее трети респондентов оставляют решение этого вопроса на специалистов и представителей официальных государственных органов (29 %).

Каждый третий респондент (39 %) индифферентен к высказыванию Владимира Гладышева, который полагает, что в Перми «завал морально устаревших улиц». Мнения остальные респондентов разделились практически поровну. С ним категорически не согласны 32 % и согласны 29 % респондентов.

Следующие вопросы анкеты были посвящены отношению респондентов к переименованию конкретных улиц, площадей и остановок г. Перми.

Респонденты в большинстве своем приветствуют переименование следующих названий в г. Перми. Первое место удерживает остановка «Дворец спорта «Орленок», названная в честь спортивного комплекса (60 %). Второе место — остановка «Минутка», названная в честь бойцов отряда СОБРа, погибших 6 марта 1996 года в Грозном на площади «Минутка» (57 %).

Третье место — улица «Петропавловская» (бывшая улица «Коммунистическая»), названная в честь церкви, расположенной рядом (54 %). Четвертые места разделили: улица «Екатерининская» (бывшая улица «Большевикская»), названная в честь императрицы Екатерины II, и остановка имени известного русского писателя 19 века «Достоевского» (бывшая остановка «Луначарского», названная в честь российского революционера, советского государственного деятеля, писатель, переводчик, публициста, критика, искусствоведа) (50 %).

Пятое место досталось улице «Пермской» (бывшая улица «Кирова», названная в честь большевика и видного советского государственного и партийного деятеля, революционера) и остановке «Авиатор», названной в честь расположенного поблизости жилищного комплекса (43 %).

Переименование остановок или улиц, связанных с объектами хозяйственно-бытового, учебного или торгового характера, в основном зависит от привычности респондентов к названию этих объектов. Так, не вызывает сомнений значимость жилого комплекса «Авиатор» и дворца спорта «Орленок» для жителей этих районов. А вот переименование остановки «Дома быта Садовый» в «Лицей № 9» (менее известный объект) — определено.

Следует отметить, что респонденты не видят особой целесообразности в переименовании улиц, остановок площадей в честь тех или иных религиозных объектов. Каждый третий респондент (39 %) выступает против переимено-

вания улицы «Орджоникидзе» (названной в честь большевика и видного советского государственного и партийного деятеля, революционера) в улицу «Монастырскую». Примерно столько же (36 %) выступают против переименования остановки «Универсам» (названной в честь хозяйственно-бытового объекта) в остановку «Храм «Вознесения»». Исключение составляет уже упомянутая улица «Петропавловская». Скорее всего, это связано с фактом давности ее переименования и вошедшей в обиход привычки.

Что касается переименования улиц со старыми советскими названиями, то ситуация выглядит не так однозначно, как могло показаться в начале статьи. Из девяти представленных в анкете опций (переименований), только четыре были поддержаны респондентами, то есть, меньше половины. Респонденты выступили за переименование улиц «Луначарского», «Большевистской», «Коммунистической» и «Кирова».

Таким образом, респонденты высказали сомнение в необходимости переименования следующих улиц, площадей. Улицы «Розалии Землячки» (названной в честь российской революционерки, советского партийного и государственного деятеля) в улицу «Калачникова» (советского конструктора артиллерийских систем, работающего на «Мотовилихинских заводах»). Улицы «Плеханова» (названной в честь меньшевика, деятеля российского и международного социалистического движения) в улицу «Биармскую» (Биарма — известная по сагам и летописям историческая область на севере Восточной Европы). А также улиц «Окулова» и «Орджоникидзе».

На этом примере прекрасно видно, что пермские исторические деятели (ученые, инженеры, меценаты, не связанные с политикой) не пользуются особой популярностью у респондентов. Из четырех предложенных переименований ни одно не было признано удачным. Даже переименование площади «Дружбы» в площадь имени «Славянова», одного из самых известных исторических деятелей г. Перми (инженера, изобретателя электрической дуговой сварки металлов). Также не менее удивительным является поражение в гонке переименований известного пермского мецената к. 19-н.—20 вв. Н. В. Мешкова (выступившего против С. А. Окулова и Ф. Э. Дзержинского).

За долгие годы старые улицы Перми успели сменить не одно название. Первым названием улицы «Екатерининской» было «1-я линия — Редутская». С 1734 года — «Вакшенская», потому что там продавали простоквашу. Потом — «Троцкого», затем «Большевистская», и снова — «Екатерининская» [7]. Три четверти респондентов (75 %) даже не догадывались об этом.

Респондентам было предложено попробовать придумать новое название для улицы «Большевистской» самостоятельно. Лишь один респондент предложил название «Театральная», объясняя это тем, что на данной улице находится много театров.

Автором статьи также была предпринята попытка определить корреляцию между отношением респондентов к переименованию улиц и их политическими предпочтениями. Однако, к сожалению, подавляющее большинство респондентов не определились с последними.

Подводя итоги, нужно отметить следующие моменты. Во-первых, индифферентность более половины респондентов в отношении переименования улиц. Во-вторых, раскол оставшихся респондентов на два, равных по количеству и противоположных по мнению, лагеря. В-третьих, переименование остановок или улиц, связанных с объектами хозяйственно-бытового, учебного или торгового характера, в основном зависит от привычности респондентов к названию этих объектов. В-четвертых, респонденты не видят особой целесообразности в переименовании улиц, остановок площадей в честь тех или иных религиозных объектов. В-пятых, идея переименования улиц в честь пермских исторических деятелей не пользуются популярностью.

Литература:

1. В Перми появились сквер купцов Грибушиных и сквер имени М. И. Субботина // BusinessClass. URL: <http://www.business-class.su/news/2016/05/04/v-permi-poyavilis-skver-kupcov-gribushinyh-i-skver-imeni-misubbotina> (дата обращения: 01.03.2017).
2. Зарубина, О. Петербуржцев лишили возможности переименовать мост Кадырова // РБК. URL: http://www.rbc.ru/spb_sz/09/11/2016/5822dc8d9a7947523dc96974 (дата обращения: 01.03.2017).
3. Короткова, М.Н. Интернет-пространство: информационная безопасность общества и государства // Молодой ученый. 2014. № 2 (61). 667–669.
4. Короткова, М.Н. Общероссийский народный фронт как призыв к консолидации // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 648–651.
5. Короткова, М.Н. Охранительное направление политики российского государства в области Интернет-пространства: мнение студентов о введении цензуры // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 40. С. 6–10.

6. Кто меняет названия улиц Перми — жители или все же власть?! // Медиа-Офис. URL: <http://www.media-office.ru/?go=3621635&pass=7c891982ca44b22aea3eb9496617f02b> (дата обращения: 01.03.2017).
7. Мосягин, И. Что бы еще переименовать? Вспоминаем исторические названия пермских улиц // БЕЗФОРМАТА. RU. URL: <http://perm.bezformata.ru/listnews/istoricheskie-nazvaniya-permskih-ulitc/3282014> (дата обращения: 01.03.2017).
8. Пресс-выпуск № 1280 // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=12212> (дата обращения: 01.03.2017).
9. Совет по топонимике // Пермская городская дума. URL: <http://duma.perm.ru/sovets/toponim> (дата обращения: 01.03.2017).
10. Улицу 2-я Луначарского предложено переименовать в улицу Достоевского // BusinessClass. URL: <http://www.business-class.su/news/2015/11/23/ulicu-2-ya-lunacharskogo-predlozheno-pereimenovat-v-ulicu-dostoevskogo> (дата обращения: 01.03.2017).

Проблема политического доверия граждан России к власти и элементы протестных настроений в обществе

Мурыгина Марина Викторовна, аспирант
Южный Федеральный Университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье исследуется феномен высокого доверия россиян президенту России В. Путину. При этом исследование проведено в контексте применения метода системного анализа актуальной информации. Целью работы было изучение проблемы политического доверия граждан России к власти и элементы протестных настроений в обществе. Предметом исследования стало отношение россиян к власти. Новизна работы заключается в том, что в ней используются самые актуальные материалы и факты весны 2017 года. Результаты работы состоят в выявлении наличия Российской Федерации протестных настроений в обществе и государстве. На основе анализа специфики отношения народа к власти автором сформулированы основные проблемы, выделены основные составляющие проявления этого важного фактора жизни в нашей стране. Выводы заключаются в необходимости учета властью интересов народа и необходимости борьбы с коррупцией. Об-

ласть применения результатов исследования весьма обширна. Это все отношения в обществе, на основе реализуемых властных проявлений.

Ключевые слова: президент, Российская Федерация, доверие, граждане, общество, массовое сознание, политические технологии, имидж, политическая культура, протестные настроения

Для граждан любого государства политическое доверие к власти выполняет значимую роль, обеспечивая уверенность в завтрашнем дне, чувство надежности, безопасности и защищенности. Это весьма важно в условиях повышенных социально-психологических нагрузок в современном российском обществе. Доверие также способствует конструктивному диалогу и эффективному взаимодействию власти и общества; обеспечивает благоприятную социальную атмосферу для жизни и деятельности людей и самой власти. Теория политики гласит, что снования доверия могут быть различны. Важную роль играет эффективность власти, то, как граждане оценивают работу государственных структур, политических институтов, должностных лиц, насколько плодотворно решаются проблемы; какие результаты приносит проводимая политика [9, с. 7]. Большую роль в доверии граждан к В. В. Путину как к политику играет его репутация честного человека, способного исполнять свои обещания. Он набирает политические баллы, обладая определенной статусной позицией по сохранению порядка в обществе и государстве. При этом статус «президент Российской Федерации» изначально для определенного числа граждан обладает запасом прочности и предрасполагает к доверию. Особенно это актуально для граждан с патерналистской политической культурой [2]. Политическое доверие гражданам президенту Российской Федерации заключается в том, что доверие неизменно остается высоким, поскольку существуют определенные положительные стороны правления В. В. Путина. Сегодня в СМИ особое внимание уделяется тому, что при нем не произошло дальнейшего распада России, несмотря на существовавшие к началу его правления сепаратистские тенденции. Не было внутренних крупных вооруженных конфликтов по окончании второй Чеченской войны. Ряд исследователей утверждает, что решение данной проблемы обеспечило В. Путину популярность в начале президентства и победу на выборах [11, с. 115–116]. Можно также назвать ряд позитивных сдвигов в общественной, политической жизни, оказывающих позитивное влияние на отношение граждан к действующей власти. Так, в заслугу нынешнего руководства ставится улучшение криминогенной обстановки

в стране, по сравнению с «лихими 90-и» годами; повышение престижа российской армии; усилия по созданию электронного правительства; улучшение медицины, науки и спорта. Современное состояние России — это промежуточный вариант между возможным оптимальным — как могло быть при эффективном государственном управлении, и самым негативным вариантом: распад России и утрата независимости, что в конце 1990-х гг. предрекали некоторые эксперты. Как показывает отечественная политическая практика, в основной своей массе российское общество не реагирует на низкую эффективность экономической политики государства и длительную нерешенность ряда серьезных проблем общества. Практические исследования показывают, что важный фактор политического доверия граждан президенту России В. В. Путину это отсутствие критики в его адрес: «За все время правления в адрес вождя не было высказано ни одного критического замечания, ни со стороны своих, ни хотя бы в одном из СМИ с приличным охватом аудитории» [12]. Действительно, критика звучит редко и сдержанно, поскольку большинство лидирующих СМИ прямо, либо косвенно контролируются официальной властью. Критика президента звучит в Интернете на оппозиционных властей сайтах. Однако их аудитория не велика и основной массив информации большинство населения черпают из традиционных СМИ: телевидение, газеты, радио. Доверие способно помочь власти в решении задач государства и разрешении проблем общества. Однако исчерпанный кредит доверия создает неблагоприятную обстановку для политической власти, вызывает дополнительную напряженность в политической и социальной сфере. Иссякнувший запас терпения населения может привести к социальному взрыву. Доверие граждан в политике основано на положении дел в стране в целом. Если дела идут хорошо — это благоприятный фон для позитивного восприятия власти; если плохо — власть зачастую становится виноватой во всех бедах граждан. Метод исследования доверия граждан России в политике заключается в анализе факторов, которые обусловили доверие граждан действующему президенту России и недоверие к премьер-министру, выразившееся в протестных акциях. Согласно опросам, нет прямой связи между оценкой гражданами положения дел в стране и отношением к В. Путину [5]. В целом это не характерно для восприятия власти. Однако в российской политической практике уникальность патерналистской политической культуры населения обеспечивает политическое доверие граждан президенту России. Теоретические концепции социологии жизни рассматривают различные стороны жизни основных социальных групп (сельских и городских жителей, интеллигенции, пенсионеров). На основе всероссийских

исследований установлено, что в современной России, по мнению граждан необходимо больше внимания уделять проблемам образования и здравоохранения, исторической памяти, детству, семье, спорту и другим важным социальным факторам развития общества [6, с. 7].

Научная новизна исследования заключается в анализе новейших материалов о протестных настроениях в российском обществе. Причиной их является то, что в России проблемы бедности, низкого уровня и качества жизни граждан сегодня приобрели хронический характер. А за последний год, в связи с экономическим кризисом в России, условия жизни населения резко ухудшились. Это происходит на фоне растущей имущественной дифференциации общества: узкая прослойка супербогатых и более половины бедного населения. Помимо этого, в стране множество других нерешенных проблем: высокий уровень коррупции; сырьевая экономика страны при неразвитом производстве. Однако они не отражаются на рейтинге доверия президенту. При этом в 2017 году начал резко падать уровень доверия к премьер-министру Российской Федерации Дмитрию Медведеву. 2 марта на YouTube появился документальный фильм «Он вам не Димон». Создатели фильма утверждали, что якобы принадлежащая Медведеву элитная недвижимость в России и за её пределами была приобретена незаконным путем. Автор фильма А. Навальный обвинил премьер-министра в создании многоуровневой коррупционной схемы, основанной на благотворительных фондах, управляемых его доверенными лицами. Интерес к фильму и успех 49-минутной информации поданной в форме документального кино о втором лице государства подтверждает то, что фильм Навального о Медведеве набрал 10 миллионов просмотров на YouTube [13]. Следом Фонд борьбы с коррупцией организовывал акции протеста в Москве 26 марта 2017 года. Подготовка к протестам в Москве и других городах России началась сразу же после того, как Фонд борьбы с коррупцией выпустил документальный фильм «Он нам не Димон». По оценке МВД, на акцию в Москве 26 марта 2017 года на улицы вышли 8 тысяч человек [1]. Пресс-секретарь Навального Кира Ярмыш говорит о 25–30 тысячах человек в Москве и 150 тысячах в целом по России. Очевидцы оценили число участников в Москве в 15 тысяч. Участники призвали премьер-министра России Дмитрия Медведева ответить на обвинения в коррупции. Полиция задержала организатора акции, основателя Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) Алексея Навального. Его обвинили по статье 20.2.2 КоАП (организация массового одновременного пребывания и/или передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка). Также полиция Москвы задержала 1030

человек во время несогласованной акции «Он нам не Димон», во время которой участники призвали премьер-министра России Дмитрия Медведева ответить на обвинения в коррупции [2]. Следственный комитет России возбудил дело по 317-й статье УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов). Основными выводами проведенного исследования является, то, что по целому ряду важных направлений Президент Российской Федерации В. Путин проводит политику популярную для большинства граждан. Он является лидером, которому доверяют. Вместе с тем в обществе существует проблема политического доверия граждан к власти в России. Она проявляется в наличии элементов протестных настроений в обществе. Наиболее ярко они проявились во время акции в Москве 26 марта 2017 года, когда на улицы вышло несколько тысяч человек. Можно констатировать, что руководство России должно заниматься указанными проблемами, для того чтобы изменить положение. Критически мыслящих граждан может убедить развернутый план действий политического лидера по преодолению кризиса. Надежды и ожидания граждан, а также их патерналистское сознание и легковерие вполне позволяют разрешить имеющиеся противоречия ненасильственными способами в правовом поле страны к удовлетворению противоборствующих сторон.

Литература:

1. Актуальная информация ОВД-инфо: Акция протеста 26 марта 2017 года.//<https://мвд.рф/> (дата обращения: 27.03.2017).
2. Бакланов, А. В Москве на акции «Он нам не Димон» задержали 1030 человек.// <https://snob.ru/selected/entry/122304> (дата обращения: 27.03.2017).
3. Владимир Путин: отношение и доверие. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/21/vladimir-putinotnoshenie-i-doverie-2/> (дата обращения: 27.03.2017).
4. Давыборец, Е. Н. Политический имидж: от лидера к государству. М.: Монография. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. — 374 с.
5. Желенин, А. Харизма как последний резерв. URL: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2016/04/07/1504696.html> (дата обращения: 27.03.2017).
6. Жизненный мир россиян.// Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». М.: РГГУ. 2016. № 2 (4). с. 55—58.
7. Магарил, С. Модернизация и стратегические риски путинского режима. URL: http://shzs.info/images/shzs/data_files/magaril_pdf/modernizacii

- %20%20strategicheskie %20riski %20putinskogo %20 rezhima. pdf (дата обращения: 27.03.2017).
8. Оськина, О. И. Россия: между патернализмом и демократией // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 1 (35). с. 96–101.
 9. Радиков, И. В. Политическое доверие для власти: ресурс развития или проблема? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4. с. 130–134.
 10. Разинский, Г. В. Синдром патернализма: первые результаты полевого исследования // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2014. Т. 1. с. 181–187.
 11. Пар, А. Владимир Путин. «Немец» в Кремле / Пер с нем. И. Розанова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 355 с.
 12. Рубцов, А. Ставка на харизму больше не пройдет. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2013/03/15/harizma_putina_lyubov_vzajmu (дата обращения: 27.03.2017).
 13. Фильм Навального о Медведеве набрал 10 миллионов просмотров на YouTube.// <http://www.svoboda.org/a/28378669.html> (дата обращения: 27.03.2017).

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

Россия и Турция. Партнёрство ради мира

Жмилевский Владислав Дмитриевич, студент
Петрозаводский государственный университет

История отношений России и Турции насчитывает вот уже более пяти веков. Однако, к великому сожалению, далеко не все эпизоды взаимодействий двух государств проходили в позитивном ключе. В частности, российско-турецкие отношения пережили ни много ни мало 12 полномасштабных военных конфликтов, а также бесчисленное количество военных и политических кризисов [1]. Одним из которых стал инцидент с уничтожением российского бомбардировщика Су-24 турецким истребителем F-16 в небе над Сирией (24 ноября 2015 года). Данный эпизод заметно пошатнул двусторонние отношения стран, понизив их с беспрецедентно высокого уровня до положения заморозки львиной доли экономических проектов и полного прекращения контактов на высшем уровне, а также по линии оборонных ведомств. Кризис продолжался около семи месяцев, пока в июне 2016-го президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган не принёс официальные извинения в адрес семьи погибшего тогда пилота Су-24 Олега Пешкова. Позже (уже после неудавшейся попытки военного переворота в Турецкой Республике) президенты России и Турции встретились в Санкт-Петербурге, где было принято решение о возобновлении большинства свёрнутых ранее экономических проектов вместе с восстановлением прямого диалога между военными ведомствами. Бесспорно, в условиях стремительно развивающейся (и меняющейся) обстановки в мире (а также на Ближнем Востоке в частности), и в Москве, и в Анкаре прекрасно понимают, что сегодняшний уровень взаимодействия — далеко не предел, и дальнейшее развитие отношений (как двусторонних, так и в рамках международных организаций) является просто необходимым движением в сторону разрешения череды гло-

бальных и региональных конфликтов, а также укрепления собственной системы безопасности.

Говоря о глобальных угрозах безопасности, необходимо отметить, что здесь у России и Турции есть общий враг. И имя ему «международный терроризм». Представлен он запрещёнными в России и во многих странах мира группировками «Исламское Государство», «Аль-Каида» и их сателлитами. Эти организации уже на протяжении нескольких лет причиняют непоправимый ущерб многим странам мира (среди которых и Россия с Турцией). Достаточно лишь вспомнить авиационную катастрофу 31 октября над Синайским полуостровом, когда в результате теракта, совершённого представителями «Исламского Государства» погибло 219 граждан Российской Федерации, а также граждане Украины и Белоруссии или же недавний теракт в Стамбульском аэропорту имени Ататюрка, в результате которого погибло 45 человек и свыше 200 было ранено. Всё это неизбежно приводит стороны к мысли о необходимости координации собственных действий на уровне антитеррористических ведомств, используя опыт друг друга для предупреждения и предотвращения подобных терактов, а также разработав оперативную систему по двустороннему информированию на предмет возможных действий самих боевиков. Попытки глобализации подобной системы продолжаются и сейчас (в частности, в России уже неоднократно проходили международные форумы, посвящённые борьбе с терроризмом), однако приходится констатировать, что наиболее эффективным способом борьбы с радикалами до сих пор остаётся двустороннее сотрудничество отдельных стран. И в данном случае, налаживание подобного механизма стало бы прорывом не только для укрепления безопасности России и Турции, но и в дальнейшей борьбе с международным терроризмом ряда других стран (в особенности на Ближнем Востоке).

Касательно региональной безопасности, важно отметить, что её укрепление напрямую зависит от установления позитивных и, что самое главное, доверительных отношений со всеми соседями по региону. И здесь, увы, бесполезно отрицать, что и у Москвы, и у Анкары по этому направлению наблюдаются серьёзные недочёты. Россия, помимо традиционно напряжённых отношений с прибалтийскими странами и Польшей, а также отдельных экономических и территориальных противоречий с Норвегией, за последний десяток лет столкнулась с серьёзнейшими проблемами на постсоветском пространстве, среди которых в частности вооружённый конфликт с Грузией в 2008 году (дипломатические отношения с которой так до сих пор и не восстановлены), а также украинский кризис 2014 года, в результате которого отношения двух стран

опустились на беспрецедентно низкий уровень. Вместе с этим на восточном направлении продолжает оставаться нерешённым территориальный спор с Японией на предмет принадлежности южных Курильских островов, а российско-американские отношения впервые за 25 лет близки к уровню времён холодной войны. Турция в этом плане также переживает далеко не лучший период. Так в Анкаре вынуждены констатировать, что внешнеполитическая концепция «ноль проблем с соседями», сформулированная ещё в 2008 году тогдашним министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу, практически полностью провалилась, и к уже сложившимся исторически проблемам в отношениях с Грецией, Кипром и Арменией, добавились существенные противоречия с другими странами региона. Среди них и конфликт с Ираком по вопросу борьбы с терроризмом на территории Иракского Курдистана, и существенное обострение в отношениях с Израилем на предмет поддержки Анкарой группировки ХАМАС в Секторе Газа. Тут и значительное ухудшение отношений с Египтом, когда в результате свержения представителя политического крыла запрещённой в России исламистской организации «Братья-мусульмане» Мухаммеда Мурси, новая власть Египта выслала из своей страны турецкого посла и практически полностью прекратила все отношения с самой Турцией (правящая партия которой всегда была идеологически близка к «Братьям-мусульманам»). Ну и, конечно же, невозможно умолчать про открытый конфликт с Сирией (и сирийскими курдами в частности), итогом которого стал затяжной вооружённый конфликт в самой арабской республике, а также в граничащих с ней районах Турции. Исходя из этого, глянув на политическую карту мира, становится понятно, что отношения России и Турции с доброй половиной своих соседей оставляют желать лучшего. Но в этой ситуации есть и весьма перспективная закономерность. Дело в том, что большинство стран, имеющих напряжённые отношения с Анкарой, выстраивают взаимодействия с Москвой в позитивном ключе (и наоборот). В подобной ситуации обе стороны могли бы сыграть конструктивную роль в решении кризисных моментов с соседями. В частности, Россия могла бы стать посредником в решении спорных вопросов Турции с Грецией, Кипром и Египтом, тогда как Анкара могла бы помочь в нормализации отношений Москвы с Киевом и Тбилиси. Такие шаги, без всяких сомнений, были бы в интересах региональной безопасности обеих стран, повысив при этом и уровень доверия в самих российско-турецких отношениях.

Однако государственная безопасность не может ограничиваться одной лишь внешней политикой, не менее важную роль в этом плане играет и то, что непосредственно происходит внутри страны. И здесь опять же у России

с Турцией много общего. Прежде всего, оба государства продолжают вести борьбу против радикального сепаратизма. В Турции он связан с курдским вопросом, когда представители «Рабочей партии Курдистана» устраивают диверсии против турецких государственных структур и фактически ведут против властей партизанскую войну за отделение юго-востока страны и создание независимого государства — Курдистан. В результате подобных диверсий нередко страдают и простые граждане, что уже позволяет квалифицировать подобные действия, как терроризм. В России же существует несколько очагов сепаратизма, но самым опасным из них является Северный Кавказ, на территории которого действует ряд исламистских группировок, мощнейшей из которых является «Имарат Кавказ» (организация, запрещённая в РФ), боевики которого занимаются не просто диверсиями, они устраивают настоящий террор с большим количеством жертв среди мирного населения (причём не только на Кавказе, но и по всей территории страны). Своей конечной целью они ставят отделение всего Северного Кавказа от России и создание на его территории исламского эмирата, для её достижения они не готовы считаться ни с какими людскими жертвами, а их пути зачастую пересекаются с международным терроризмом. И вот тут между Москвой и Анкарой существуют серьёзнейшие разногласия. После Второй чеченской войны многие боевики бежали именно в Турцию, а некоторые проживают там (и готовят новые теракты) до сих пор. Помимо этого, с обеих сторон иногда можно услышать взаимные обвинения друг друга в поддержке сепаратистских организаций на чужой территории. Полагаю, что в данной обстановке самым адекватным решением могло бы стать установление между Россией и Турцией двустороннего соглашения об экстрадиции подозреваемых или обвиняемых в преступлениях на территории соответствующих государств (по крайней мере, это бы точно показало решительность сторон в борьбе с общими угрозами). Также невозможно не упомянуть о том, что совсем недавно турецкое руководство столкнулось с ещё одной проблемой, подрывающей безопасность в стране. Проблема эта заключается в активности организаций леворадикального и исламистского толка, ставящих себе задачу любой ценой свергнуть нынешнюю власть в Турции. Одной из таких оказалась и общественно-политическое движение «Хизмет» проповедника и писателя Фетхуллага Гюллена, представители которого в армейских структурах в июле этого года были близки к совершению военного переворота. Попытка оказалась неудачной, но сам факт её наличия уже говорит о существенной брешу в турецкой системе безопасности. В России в свою очередь тоже есть «горячие головы», поговаривающие о необходимости свержения законно

избранной власти, однако говорить хоть о каких-либо их успехах на данном поприще, благо, не приходится. Тем не менее, абсолютно очевидно, что для успешного взаимодействия обе страны должны чётко придерживаться принципов, которые осуждают любые попытки свержения законной власти. И исходя из позиции Москвы по поводу попытки государственного переворота в Турции, появляется твёрдое убеждение в том, что страны движутся в верном направлении (очень хотелось бы верить, что это стремление является взаимным).

Отдельно стоит упомянуть и о роли двух стран в решении Сирийского конфликта. Нетрудно догадаться, что и тут подходы Москвы и Анкары сильно разнятся. Целью России является борьба с международным терроризмом на дальних рубежах, а также поддержка законно избранного руководства Сирийской Арабской Республики с сохранением светского характера формы государственного правления и развитием демократических институтов власти в стране. Турция же изначально ставила себе в задачи поддержку вооружённой сирийской оппозиции, в планах которой ни о какой светской Сирии и речи быть не может и последующее свержение ими законного сирийского правительства. Однако все эти действия имели серьёзные последствия и для самой Турции. Дело в том, что исламистам пришлось противостоять не только сирийской армии, но и отрядам курдской самообороны, которые успешно борются и с «Исламским Государством», и с формированиями «Сирийской Свободной Армии». Дошло до того, что курды заняли большую часть Сирийско-турецкой границы, и это стало серьёзной угрозой безопасности самой Турции (ведь с появлением Сирийского Курдистана, как административно-территориальной единицы, курды могут сосредоточиться на новой задаче — образовании Турецкого Курдистана, что сравни убийству турецкого государства). Поэтому (а также в связи с участием российских ВКС на стороне сирийского руководства) с недавнего времени свержение Башара Асада больше не является приоритетной задачей Турецкого правительства. Означает ли это, что теперь турецкая сторона прекратит поддержку сирийской оппозиции? — Конечно нет. Однако риторика в этом плане существенно изменится. И факты недавно начавшейся операции вооружённых сил Турции против боевиков «Исламского Государства» и курдских формирований на территории Сирии позволяют сделать вывод, что о ней заранее были проинформированы Москва и Дамаск (ведь в Сирии также небезосновательно опасаются объединения и усиления курдов). Тем не менее подобный факт общих точек соприкосновения Сирии и Турции совершенно не означает, что против курдов нужно уничтожать. Про-

блемы между всеми договороспособными сторонами должны быть улажены исключительно мирным способом. Поэтому всем участникам переговоров по Сирии (среди которых просто обязаны быть и Россия с Турцией, а также Иран, объединение усилий с которым стало бы стратегически верным решением для всех) необходимо выработать общий план, по которому должны быть чётко разделены террористы и оппозиция, а также начаты переговоры о конституционных изменениях в стране между всеми конструктивными сторонами конфликта (так, как в своё время это было сделано в Ливане). Понятно, что такое решение станет компромиссным и не сможет учесть все пожелания участников переговоров, однако оно станет единственно верным в данной ситуации и существенно усилит эффективность борьбы с международным терроризмом, консолидируя все стороны против общего врага.

То же самое можно сказать и про возможное решение карабахского конфликта. Нет никаких сомнений, что именно Турция и Россия должны быть посредниками в решении территориального спора между Азербайджаном и Арменией, и подобное (опять же компромиссное) решение будет в интересах всех участников переговорного процесса [2].

Ещё одним немаловажным фактором, способным повлиять на безопасность в стране (причём в худшую сторону) является международное давление. И если Россия знакома с этим уже не один десяток лет, то Турция сталкивается с таким уровнем давления со стороны международных организаций и крупных государств относительно недавно. В частности, высказываются претензии по поводу жёсткой реакции турецкого руководства на попытку военного переворота в стране. Так, о своём несогласии с политикой Анкары по привлечению к ответственности всех подозреваемых в попытке переворота и в вопросе отмены моратория на смертную казнь заявили в Вашингтоне и Брюсселе (что также поставило под большое сомнение возможность дальнейшей интеграции Турции с ЕС). Подобная реакция была расценена руководством Турецкой Республики, как предательство, вследствие чего из Анкары даже последовали заявления, ставящие под угрозу дальнейшее пребывание военных объектов стран запада на территории Турции. Россия же не стала вмешиваться во внутренние дела соседа, а напротив, выразила полную поддержку действиям турецких властей по нормализации обстановки в стране (более того, как стало известно позже, президент России Владимир Путин был первым из мировых лидеров, позвонивших Реджепу Эрдогану со словами поддержки, а некоторые источники, близкие к турецкой дипломатии, даже сообщили о том, что именно российские спецслужбы проинформировали своих коллег из Турции о гото-

вящемся перевороте) [3]. Всё дело в том, что на Западе никогда не любили сильных и независимых лидеров (коим, безусловно, является и президент Эрдоган), потому как им тяжело диктовать свои правила. России же всегда было легче договариваться с теми политиками, за которыми не стоит никто, кроме собственного народа. Поэтому Российская Федерация, основываясь принципами верховенства закона каждой страны, готова в любой момент протянуть руку помощи турецкому народу (и избранному им руководству). Подобный шаг был очень позитивно встречен Анкарой, и дальнейшие заявления на уровне Министерства иностранных дел Турецкой Республики о бесполезности давления на Москву и Анкару позволяют надеяться на то, что теперь в Турции также понимают всю пагубную суть международного давления и необходимость дальнейшей консолидации сил для его преодоления [4].

В заключении хотелось бы отметить, что, безусловно, не стоит входить в экстаз и тешить себя иллюзиями на основе всего вышеперечисленного. Всё это пока лишь долгосрочные перспективы на фоне нормализовавшихся отношений. Между Россией и Турцией по-прежнему остаётся масса противоречий, решение которых займёт не один и не два дня. Не стоит также надеяться и на какой-то резкий разворот Турции с Запада на Восток. Однако обстановка в мире явно показывает, что эпоха постоянных конфликтов России и Турции должна окончательно уйти в прошлое. Ей смену придёт новое время, когда ключевые игроки в регионе станут партнёрами в решении общих проблем во благо своих народов. Уверен, что такие действия по достоинству будут оценены нашими потомками.

Литература:

1. Горбатов, А. А. Россия и Турция. Анатомия противостояния
2. Горбатов, А. А. Россия и Турция: новая реальность
3. СМИ: Россия предупредила Эрдогана о готовящемся военном перевороте // URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3472671>
4. Мевлют Чавушоглу: попытки Запада запугать Россию неразумны // URL: <https://ria.ru/interview/20160818/1474706641.html>

Конфликт в Южно-Китайском море как часть противостояния США и Китая в АТР

Казаков Сергей Владимирович, студент
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Главным эпицентром военно-политических противоречий между Китаем и США в АТР является Южно-Китайское море (ЮКМ). Давний территориальный спор между КНР и некоторыми странами АСЕАН (Вьетнамом, Филиппинами, Брунеем и Малайзией) вкупе с возрастающей политической мощью Китая в регионе и американским «разворотом на восток» во время президентства Барака Обамы создали очаг напряженности, который может негативно повлиять не только на американо-китайские отношения, но и на международную обстановку в целом [1, с. 6].

На первый взгляд может показаться, что причины борьбы за суверенитет над островами Спартли, Парсельскими и некоторыми другими заключается исключительно в борьбе за обладание нефтегазовыми и рыбными ресурсами (по разным оценкам нефтегазовые ресурсы, располагаемые в акватории Южно-Китайского моря, составляют до трети от ресурсов, располагаемых самой КНР, а улов рыбы в ЮКМ достигает 8% от общемирового [2, с. 18]). Однако, это лишь поверхностные причины. Через южно-китайское море проходит половина мирового годового тоннажа торгового флота и треть всего морского трафика. Все это делает ЮКМ стратегически важным объектом [3]. К тому же стоит отметить, что экономический рост и улучшение качества жизни внутри Китая приводит к росту национализма среди китайцев, что вынуждает руководство КНР быть активнее во внешней политике и более ревностно защищать национальные интересы. При этом военной мощи Китая недостаточно для того, чтобы предпринимать активные действия за пределами своего региона, таким образом, единственным местом, где Китай может продемонстрировать свою силу является Южно-Китайское море.

По закону «О территориальном море и прилежащей зоне», принятому в КНР в 1992 году» сухопутная территория Китая включает не только Тайвань, но и острова Спартли и Парсельские. В ст. 3 этого закона говорится, что границы территориального моря отсчитываются не по линии максимального отлива, а по линии соединяющей исходные точки [4]. В 1996 году Китай обозначил 77 таких точек, включавших Парсельские острова, а в 2012 в КНР опубликовали декларацию, обозначающую еще 17 точек, включавших острова

Сенкаку [5]. При этом Китай передал генеральному секретарю ООН карты с географическими координатами всех точек, видимо пытаясь придать легитимности своим действиям. Таким образом, Китай заявил о суверенитете практически над 80% акватории Южно-Китайского моря.

В эволюции конфликта за острова ЮКМ прослеживается 4 этапа. Первый этап приходится на 50-е — 60-е годы прошлого века. В 1951 году тогдашний президент Филиппин Э. Кирино заявил о суверенитете над северными островами архипелага Спартли. Это вызвало негативную реакцию Пекина, который заявил, что острова Парсельские (кит. название — Сиша), Спартли (кит. название Наньша) являются неотъемлемой территорией Китая. В подтверждении своих слов правительство КНР даже выпустило «Декларацию о территориальном море КНР», устанавливающую 12-мильную зону территориального моря относительно этих островов [6].

На втором этапе (70-е — 80-е гг. XX века) произошли первые военные столкновения между КНР и Южным Вьетнамом. В 1974 году Китай захватил западную часть Парсельских островов, нанеся удар своими ВМС и ВВС по вьетнамским войскам, расположенным на островах. Китай при этом рассчитывал на то, что США, которые в этот период покидали Вьетнам, не станут противодействовать их действиям. К тому же двумя годами ранее было подписано Шанхайское коммюнике, ознаменовавшее восстановление дипломатических отношений и начало сближения между этими двумя странами. Расчет Пекина оказался верным, США, не только не воспрепятствовали захвату островов, но даже признали требования Пекина о 12-мильной зоне и даже дали указание своим ВМС не нарушать водное пространство КНР [1, с. 11].

В 1988 году Китай проделал тоже самое уже с островами Спартли. После очередного вооруженного столкновения с Вьетнамом, в котором погибло 72 вьетнамских моряка, Китай укрепился и на этом архипелаге. В этом же году была образована провинция Хайнань, в которую были включены острова Парсельские и Спартли.

На третьем этапе (конец 80-ых — начало 2000-ых.) в связи распадом Советского Союза, окончанием холодной войны и внутренними изменениями в самом Китае происходят коренные изменения во внешней политике КНР. Несмотря на то, что Китай по-прежнему настаивал на безоговорочном суверенитете над островами, тем не менее, Пекином был взят курс на развитие отношений с соседями, чтобы не оказаться в политической изоляции. На этом этапе Китай начинает активно участвовать в работе АСЕАН и в ее региональных форумах, закладывая основы будущего сотрудничества [6, с. 3].

С начала 2000-ых годов страны АСЕАН начали подготовку «Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море», который смог бы установить основные направления урегулирования конфликта и снизить напряженность в вопросах использования ЮКМ. Однако АСЕАН не смогла выработать единую позицию, так как некоторые члены этой организации имели претензии не только к Китаю, но также не могли договориться между собой. Стоит отметить, что в тот период Китай был готов к сотрудничеству и частично к компромиссу, однако разногласия между Вьетнамом, Филиппинами и Малайзией привели к тому, что Кодекс в итоге был заменен «Декларацией поведения сторон в Южно-Китайском море», которая и была принята в 2002 году [7].

С приходом в 2009 году на пост президента Барака Обамы и последовавшего американского «разворота на Восток» начинается нынешний четвертый по счету этап конфликта в ЮКМ. Именно на этом этапе вопрос о спорных островах приобретает международный характер, благодаря включению в него внерегиональных сил. Спустя всего месяц после инаугурации Барака Обамы произошел первый инцидент между США и Китаем в ЮКМ. Тогда вице-адмирала НОАК Цзинь Мао заявил, что американский корабль *Impressable*, который, как утверждает США, занимался исследовательской деятельностью, является «не исследовательским судном, а кораблем-шпионом» [8]. А в 2010 году на саммите АРФ в Ханое госсекретарь США Хилари Клинтон заявила, что США хоть и придерживаются нейтралитета, тем не менее, имеют в ЮКМ национальные интересы и готовы выступить посредниками в переговорах по урегулированию конфликта [9]. Это вызвало резкую критику со стороны Пекина, который жестко и последовательно настаивает на двухстороннем формате урегулирования конфликта.

Включение США в решение вопросов Южно-Китайского моря стимулировало АСЕАН возобновить работу над Кодексом. В 2011 году Китай и АСЕН даже подписали «Принципы, касающиеся сотрудничества в спорных районах Южно-Китайского моря», что, несомненно, является первым шагом навстречу Кодексу. Однако его подписание тормозят две проблемы. Первая — остающиеся нерешенными разногласия внутри АСЕН. Показателен инцидент, случившийся на 45-ом заседании министров иностранных дел стран-участниц АСЕН. Тогда Камбоджа, председательствовавшая на тот момент, отказалась включить в совместное заявление пункт о противоречиях с Китаем, на котором настаивали Филиппины и Вьетнам. Вторая проблема — это несговорчивость Китая, который с момента подписание Декларации в 2002 году укрепил свои

позиции в регионе и получил рычаги экономического давления на другие стороны конфликта [7].

В этом конфликте США, фактически, встали на сторону стран АСЕАН. Кроме того Соединенные Штаты активно толкают эти страны на более решительное отстаивание своих позиций в спорах с Китаем. Подтверждением этому служат американские военные учения в ЮКМ с участием военных союзников США в регионе: Филиппинами, Южной Кореей, Японией и Австралией, а также вынесение штатами территориальных споров в ЮКМ на повестку дня практически каждого регионального форума, в котором принимают участие Соединенные Штаты. Все это в купе с укреплением военного присутствия США в АТР и периодическими провокационными действиями США вблизи островов, контролируемых КНР, вызывают в Пекине сильное беспокойство складывающейся ситуацией, в которой китайское руководство видит явный «антикитайский след» [10, с. 35].

В 2012 году министр иностранных дел КНР на встрече с госсекретарем США Хиллари Клинтон заявил о готовности Китая участвовать в обсуждении Кодекса поведения, однако снова подчеркнул, что этот вопрос должен решаться путем двусторонних переговоров. Тем не менее, работа над Кодексом со стороны КНР ведется крайне неохотно. Отчасти это может быть связано с тем, что обязательный для исполнения Кодекс может быть использован против Китая, ограничив свободу его действий в ЮКМ. В частности ст. 13 проекта Кодекса запрещает сторонам конфликта не только занимать новые территории, но и строить новые объекты на островах и расширять существующие, чем в последнее время Китай активно и занимается, производя насыпные работы и строя военные базы на спорных островах [11, с. 40].

В ответ на активные действия по укреплению спорных островов, предпринимаемые Пекином, США активно обозначают свое присутствие в регионе. В связи с этим в последние годы увеличилось количество инцидентов в ЮКМ между КНР и США, создающих постоянные всплески напряженности в американо-китайских отношениях. В октябре 2015 года американский эсминец провел патрулирование вблизи одного из спорных островов, контролируемого Китаем, нарушив при этом границы 12-мильной зоны. При этом министр обороны США Эш Картер заявил, что патрулирование спорных районов ЮКМ продолжится, объяснив это продвижением политики свободы навигации. В ответ на это МИД КНР призвал США «подумать еще раз» и «не создавать проблем из ничего» [12].

Из всего вышесказанного вытекает закономерный вопрос: может ли противостояние Китая и США, а также некоторых стран АСЕН, перерасти в полномасштабный военный конфликт. Практически все эксперты, занимающиеся данным вопросом, полагают, что нет. В частности в своей работе «Вероятность войны за острова в Южно-Китайском море: факторы за и против» А. П. и П. Ю Цветовы приводят несколько причин, которые, по их мнению, делают полноценное вооруженное столкновение в ЮКМ маловероятным. И главной причиной является незаинтересованность сторон в эскалации конфликта, связанная с сильной экономической зависимостью между потенциальными участниками полномасштабной войны [13, с. 38].

Этот факт хорошо подтверждается статистикой. В 2014 году США обогнал Гонконг и стал первым торговым партнером КНР и основной страной назначения экспорта [14]. А Китай для США является первой страной по объему импорта и третьей после Канады и Мексики по экспорту [15]. К тому же не стоит забывать про экономическую зависимость КНР и Соединенных Штатов с другими странами Юго-Восточной Азии, в том числе с другими участниками конфликта (Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Брунеем). Таким образом, экономическая взаимозависимость между возможными участниками войны в Южно-Китайском море приводит к тому, что потенциальные издержки (в том числе и политические) оказываются гораздо выше потенциального выигрыша.

Похожей позиции придерживается и главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Яков Бергер, который полагает, что продвижение политики свободы навигации Соединенными Штатами является прикрытием для сдерживания роста влияния Китая в регионе и становление его в качестве «великой морской державы». При этом Бергер указывает на то, что США стараются действовать аккуратно и, что обе стороны не заинтересованы в ухудшении обстановки [16].

Таким образом, можно сделать вывод, что с возвращением США Азиатско-Тихоокеанский регион одним из основных местом военно-политических противостаний между КНР и Соединенными Штатами стало Южно-Китайское море. При этом давний территориальный спор с приходом США становится международной проблемой, в то время как Пекин жестко и последовательно настаивает на том, что этот вопрос должен решаться исключительно на двусторонней основе.

Очевидно, что главную роль в решении данного вопроса должна взять на себя АСЕН, а ее главной целью должно стать подписание Кодекса поведения. Однако движение в этом направлении затруднено отсутствием единой позиции

среди членов АСЕАН. Именно от возможности этой организации выступать с единой позиции по этой проблеме зависит подписание Кодекса. Еще одним препятствием на пути к решению этого вопроса является нежелание Китая идти на уступки. При этом наблюдается замкнутый круг, когда при включении в конфликт внешних сил (в первую очередь США) Китай занимает еще более жесткую позицию, что приводит к еще более активным действиям со стороны Соединенных Штатов. Таким образом, решение вопроса о спорных островах невозможно без выработки сбалансированной политики, при которой главная роль в решении конфликта отойдет Китаю и странам АСЕАН, а США отведется роль наблюдателя, который будет следить за тем, чтобы ни одна из сторон конфликта не применяла оружие в решении спора.

Литература:

1. Мурашева, Г.Ф. Есть ли альтернатива статус-кво в территориальном споре в Южно-Китайском море? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2013. — № 20. — с. 5–16.
2. Мосяков, Д.И. Конфликт в Южно-Китайском море и возможные пути его разрешения // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2013. — № 21. — с. 16–22.
3. Why the South China Sea is so crucial // Business Insider. URL: <http://www.businessinsider.com.au/why-the-south-china-sea-is-so-crucial-2015-2> (дата обращения: 16.01.2017).
4. Law on the Territorial Sea and the Contiguous Zone of 25 February 1992 // United Nations. URL: http://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/CHN_1992_Law.pdf (дата обращения: 04.01.2017).
5. Заявление МИД КНР от 10.09.2012 // Министерство иностранных дел КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t971907.shtml> (дата обращения: 04.01.2017).
6. Ли, Г.Ц. Политики КНР в регионе Южно-Китайского моря // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2010. — № 12. — с. 1–5.
7. Евгений Канаев. АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1240#top-content (дата обращения: 05.01.2017).

8. Китай обвинил США в шпионаже. // Вести. ru. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=261624> (дата обращения: 06.01.2016).
9. Лукин, А. В. Территориальные споры расшатывают АСЕАН // МГИМО университет. URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/232277> (дата обращения: 06.01.2017).
10. Трифонов, В. И. Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и на противоборство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2012. — № 17. — с. 29–44.
11. Воробьев, В. Я., Иванов А. В. Линия Пекина в урегулировании проблем в бассейне Южно-Китайского моря // Вестник МГИМО университета. — 2013. — № 3 (30). — с. 37–44.
12. США пообещали продолжить навигацию в Южно-Китайском море // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfree/news/563e68ea9a794704ed0ae7a4> (дата обращения: 07.01.2017).
13. Цветов, А. П., Цветов П. Ю. Вероятность войны за острова в Южно-Китайском море: факторы «за» и «против» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2013. — № 21. — с. 36–42.
14. Value of Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination // National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm> (дата обращения: 07.01.2017).
15. Global Patterns of U.S. Merchandise Trade // International Trade Administration U.S. Department of Commerce. URL: <http://tse.export.gov/tse/TSEHome.aspx> (дата обращения: 07.01.2017).
16. Мнение: США не удастся «осадить» КНР в Южно-Китайском море. 08.12.2015 // РИА Новости. URL: http://ria.ru/radio_brief/20151208/1338341761.html (дата обращения: 08.01.2017).

К вопросу «нового» видения сущности терроризма и личности террориста. Проблема «асимметрии»

Середнев Владимир Анатольевич, преподаватель
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени
Н.И. Лобачевского

Объектом исследования являются международные отношения, международный правопорядок и безопасность. В научной статье предпринята попытка, рассмотрения такого феномена как терроризм с иных, на взгляд автора, более научных позиций, нежели с тех, которые преподаются населению в средствах массовой информации и в распространенной литературе. В исследовании уделено внимание историческому развитию терроризма и его этапов. Автором рассмотрены такие понятия, как «регулярная война» и «справедливая война» («тотальная война»). Так же рассмотрен вопрос стратегии борьбы с терроризмом и предпринята попытка ответа на вопрос «терроризм форма преступности или форма войны?» При исследовании такого явления как терроризм автор ссылался не только на научные труды признанных мировых ученых юристов, философов и политологов, таких как Ален де Бенуа, Карл Шмитт, Ч. Ломброзо, А. Дугин, В. Соловей и др., но и признанных политических экспертов в области геополитики, таких как Пьер Манони и Жерар Шальян.

Ключевые слова: терроризм, война, «регулярная война», «тотальная война», политика, психологическая война, религия, масс-медиа, запад, «борцы за свободу»

Памяти мною уважаемого человека Гейдара Джемаля, общественного деятеля, философа, теолога посвящаю. Мир праху его...

Из истории понятия терроризма

В настоящее время понятие «террор» неоднозначно трактуется как в научном мире, так и среди обывателя. Вообще первоначальное понятие террора, это время в период с сентября 1793 года по июль 1794, когда для подавления своих противников, сторонники французской революции обосновали это по-

нятие, сделав его призывом к действию. То есть можно говорить, что на первоначальном своем этапе, оно обозначало действие государства при реализации политического режима, а именно «легальное действие (которое можно объявить нелегитимным), а не нелегальное действие (которое можно объявить легитимным)». [1, с. 81]

И только примерно к XIX веку, само слово «терроризм», начинает рассматриваться как нелегальное запрещенное действие, против государства и существующего в нем политического режима. Хотя по-прежнему в сознании слово «террор», будет как лакмусовая бумажка для определения тоталитарных режимов, будь то нацистский или советский (сталинский). Но необходимо заметить, что речь в то время шла именно о «терроре», понятие о котором в массовом сознании разойдется с понятием «терроризм». Произойдет это по причине того, что всегда существовал, до сих пор существует государственный терроризм.

Когда говорят о терроризме, первая мысль, связанная с ним, наводит на мысль о революции. Революционные «террористы, которые вселяли ужас в сердца врагов, пытались вести войну до победного конца. В свое время один из французских военных министров Ж. Бушотт заявлял: о необходимости «вселить ужас в сердца наших врагов» [26, с. 432]. Говоря о терроризме, мы подразумеваем «войну», но какую и с кем? Войну всегда можно делить на регулярную и тотальную. Регулярная война, после которой всегда наступает мир, и бывший враг становится уже другом. Война, которая в отличие от регулярной не знает никаких ограничений в ее видении, называется «тотальная» или «справедливая война». В религиозном представлении о единстве бога (**монотеизме**), такая война считается «обязательной святой войной», и всегда она направлена против врагов Бога. А если война против врагов бога, значит с этими врагами не может быть и речи о каком-то перемирии и окончания войны, так как враги Бога, это абсолютное олицетворение Зла, которое должно быть полностью уничтожено. Жан-Ив Гиомар, указывал относительно тотальной войны: «это война, которая приводит в движение массы бойцов, в которых ранее никогда нельзя было заметить желания победы, приравненной к полному уничтожению врага. То есть это беспощадная война, которая отвергает переговоры, нацеленные на устранение вооруженного столкновения, на его скорейшее прекращение» [28, с. 13–14].

Немецкий философ и социолог К. Маркс писал: «о революционном терроризме как одном из средств достижения победы» [35]. Но политическим деятелем, который обосновывал насилие и террор, как метод завоевания власти,

пролетарием, был В. И. Ленин. После преступного захвата власти большевиками в 1917 году, само слово «террор» приобрело положительный смысл и пользовалось успехом у новой коммунистической власти. После посещения Советской России французские коммунисты М. Кашен и А. Фроссар, вернувшись, домой, заявили, что «научились методам насильственной борьбы и террора, к которым обязательно должен обращаться класс, который стремится прийти к власти» [36].

Высказываясь о Ленине, политический теоретик К. Шмитт писал: «цель — коммунистическая революция во всех странах мира... Для Ленина только революционная война является подлинной войной, поскольку она происходит из абсолютной вражды...возвысился до уровня носителя абсолютной вражды» [20, с. 257, 303].

Этапы развития терроризма

На сегодняшний день, терроризм с одной стороны, не является каким-то новым явлением, но с другой стороны, то место, которое ему приписывается на мировой арене, является на наш взгляд новым феноменом. Профессор Д. Рапапорт из Калифорнийского университета, указывает на 4 периода развития терроризма. *Первый* период (волна), приходится к деятельности анархистов России 80-х годов XIX века, которая затем быстро распространилась по Западной Европе. «Переход от XIX к XX веку станет «золотым веком политического убийства». Эти первые современные теракты связаны с развитием ежедневной прессы, совершенствованием транспортных средств и изобретением телеграфа» [37, с. 16—19]. Далее мы цитируем по книге А. де Бенуа «Карл Шмитт сегодня»: «*Вторая волна* антиколониальная, начинается около 1920 года и продолжается примерно 40 лет достигая кульминации к 1960 годам. Именно она утвердит ту идею, что **террористы являются, прежде всего «борцами за свободу»**. Третья волна, не такая мощная, — это волна ультралевых организаций, которые после смерти Че Гевары провозглашают городскую герилью (*способы ведения партизанской войны с заведомо превосходящими силами противника в городских условиях*). К их числу относятся: «Красные бригады» (Италия), «Прямое действие» (Франция), «Фракция Красной Армии» (Германия), «Монтонерос» (Аргентина), «Действия за национальное освобождение» (Бразилия), «Тупамарос» (Уругвай) и др. Эта волна, в большинстве западных стран сегодня спавшая, все еще заметна в Непале, Перу, Колумбии и ряде других стран Южной Америки, Северной Африки. *Третья волна*, это современная волна глобального терроризма, отличающаяся «исламской» доминантой. В этот период распро-

страняются акты — самоубийства» [1, с. 89—90]. Ряд авторов, считают, что третий этап (волна) терроризма относится к середине 1968 года, когда предводитель «Народного фронта освобождения Палестины» Ж. Хабаш со своими бойцами захватил два самолета принадлежащие Израильской компании «EL AL». Именно Ж. Хабашу принадлежат слова: «Убийство одного... вне поля боя эффективнее, чем убийство сотни... в бою, поскольку оно привлекает больше внимания» [5]. Подходило время «глобального терроризма», которое ознаменовалось на наш взгляд к концу 1979 года, при свершении исламской революции в Иране и вторжением советских войск в Афганистан. Следует отметить, что впоследствии после разрушения Берлинской стены и падения системы СССР, а также вывода войск советской армии из Афганистана. Бойцы ислама, воевавшие в Афганистане, бесследно не исчезли, они появились в Алжире, где продолжили свою борьбу, в бывших советских республиках, где преобладало мусульманское население (Азербайджан, Таджикистан, Киргизстан, Чечня, Дагестан и др.). Соответственно уже в наши дни можно назвать Ирак, Ливию, Сирию и др.

Борцы за свободу или террористы?

Во время холодной войны между США и СССР, Запад считал, что КГБ СССР управляет террористическими группами во всем мире. После же упразднения КГБ, спада терроризма не произошло, а скорее наоборот [30; 38; 16]. Но необходимо уточнить, что СССР, одним из первых, наряду с США создал свою атомную бомбу, и как считалось, закрепил паритет в мире и геополитическое состояние, при котором обе державы стали обладать сравнимыми потенциалами ядерного оружия. И думается нам, что для борьбы с попытками применения какой-либо страной ядерного оружия многие страны приложили руку. Мы думаем, что СССР не был исключением, и, наверное, приложил свою «руку» и немалые усилия, в этом вопросе КГБ СССР. Один из высокопоставленных сотрудников департамента государственной безопасности Румынии, генерал Ион Михай Пачепа, писал в своих воспоминаниях: «... когда я побывал в кабинете у А. М. Сахаровского, он показал мне висевшую на стене карту мира, утыканную красными флажками. Каждый флажок означает угнанный самолет, пояснил генерал и добавил: «Захват самолетов — мое изобретение» [3]. Можно доверять ли данному источнику, судя по личности автора? Ион Михай Пачепа — генерал Секуритате, бежавший в США. Считается «самым высокопоставленным» офицером разведки просоветского блока, бежавшего на Запад, Верить или нет данной информации, каждый решает сам. Вопрос в том какая связь между деятельностью террористических организаций

и их ролью в возможности использования или применения ядерного оружия, эту связь каждый для себя тоже устанавливает сам. Но вообще, как и всегда существует две полярных точки зрения. Первая, конформистская — «террористы мог использовать ядерное оружие, и способствуют применению его». Вторая, неконформистская — «террористы являются барьером и щитом на пути к использованию ядерного оружия».

Не секрет, что определенные формы терроризма, на определенном этапе истории признавались легитимными, например, силы сопротивления во время Второй мировой войны, на любой территории оккупационные немецкие войска называли террористическими. А если рассмотреть период деклониализации, т. е. период борьбы колониальных стран с колонизаторами, за свою независимость, то можно сказать, о том, что террористические группы являли собой «борцов за свободу», которые в вооруженной борьбе видели способ завоевать для себя независимость и свободу, разгромив колониалистов. Естественно, что «победителей не судят», завершив войну за свое освобождение победой, они получили международное признание и были полностью оправданы мировым сообществом. То есть, мы видим, что происходит утверждение того, что при определенных обстоятельствах терроризм может быть легитимным. Машина пропаганды, сделала свое дело и показала, когда терроризм морален, а когда нет. Поэтому модное выражение «борец за свободу», очень часто применяющееся в эпоху антиколониальной борьбы, вышло из употребления в 70-е годы XX века. Это произошло именно тогда, когда ООН были приняты первые Конвенции «с целью подавления террористических актов» [6,7,10,].

А когда приходишь к мысли, что некоторые страны образовались или получили независимость, не без участия террористов, или даже бывшие террористы стали лидерами и получили власть в определенном государстве, (Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Бен Белла, Нельсон Мандела и др.), тогда граница между «борцами за свободу» и «участниками сопротивления» с одной стороны и террористами с другой стороны, практически «тает», становится мутной или вообще пропадает. Бывшие террористы становятся достойными лидерами и гражданами своей страны.

Сегодня картина, и на фоне в том числе мощной пропаганды, не меняется, те кто для одних являются «участниками сопротивления», для других оказываются «террористами» (например, Луганская и Донецкая Народные Республики на Украине, где лица воюющие на стороне этих территориальных образований, для одних «участники сопротивления», «герои», а для других — «террористы» и преступники; правительство Украины, в городе Киеве, для

одних законное, легитимное правительство, для других «хунта» и преступники). Следует отметить, что, например, те же самые исламисты, являлись во время войны в Афганистане с Советской Армией «борцами за свободу», но как только они применили методы ведения войны, против своих бывших союзников, то сразу же стали называться террористами.

О признаках современного терроризма

Рассуждая о современном терроризме, нельзя не процитировать французского эксперта в области политической стратегии Ж. Шальяна который писал: «Вопрос о статусе терроризма по отношению к оппозиции легальности и легитимности усложняется еще и из-за наличия «легального» терроризма, в частности государственного. Наиболее распространенные на сей день определения терроризма не исключают этого государственного терроризма, который, следует подчеркнуть, всегда приносил больше жертв, чем нелегальный «суб-государственный» терроризм» [19, с. 10].

Перед нами встает серьезный вопрос, отличается ли современный гипертрофированный терроризм от «классического» терроризма прошлого на фундаментальном уровне. А если отличается, то современный терроризм он более скрытый, проявляющийся в «секретных» формах насилия? Или же современный терроризм, он более агрессивно «открытый», более «бросающийся в глаза»?

Поэтому определим на наш взгляд некоторые основные черты современного терроризма. *Во-первых*, современный терроризм имеет признаки безграничности в вопросах восприятия его количественной меры, имеющий неиссякаемый универсальный характер. *Во-вторых*, бесспорно, что терроризм — это конечно насилие, но это не является основным признаком терроризма, поскольку не всякое насилие есть терроризм. *В-третьих*, радикальный террорист — это смертник, или хотя бы понимает, что он ввязывается в борьбу «не на жизнь, а на смерть». *В-четвертых*, мы соглашаемся с мнением А. де Бенуа: «Террористы сами же первыми и считают лишенными всякого значения классические различия между воюющими сторонами и нейтральными, гражданскими и военными, участниками боевых действий и не участниками, легитимными и нелегитимными целями. Именно в этом терроризм уподобляется тотальной войне» [1, с. 96]. *В-пятых*, если учесть, что терроризм рассматривается, как абсолютный враг, с которым мир в принципе не возможен, и борьба с ним идет до уничтожения, поэтому для борьбы с терроризмом пригодны любые способы по его уничтожению, и как правило, так называемые демократические средства ведения войны против терроризма, они не при-

несут желаемого результата. То есть, например, «применение пыток много раз оправдывали нуждами антитеррористической борьбы (когда требуется, к примеру, добыть сведения или же предотвратить теракт)» [1, с. 96]. В-шестых, для ведения борьбы и войны с современным терроризмом не существует определенных территориальных привязок, границы террористических организаций весьма размыты и существуют на обширных территориях, «...территориальная форма господства сама уходит в прошлое: сегодня выгоднее колонизировать умы или же контролировать рынки, а не завоевывать территории или присоединять их» [1, с. 97], из этого выходит следующий (седьмой) признак современного терроризма. В-седьмых, в настоящее время эффективной и привилегированной формой террористического сообщества является, так называемая **сеть**. Например, одна из самых известных ультрарадикальных международных террористических организаций ваххабитского направления ислама «Аль-Каида», или «ИГИЛ» («Исламское государство Ирака и Леванта»), которое признано многими странами и международными организациями как террористическая организация, на самом деле это не организации классического типа. Так как они имеют разветвленные соединенные между собой террористические сети, которые основаны на подвижном объединении. Основная важность и значение этих сетей в том, что «постмодернистская эпоха — сама по себе эпоха сетей, когда перекрещиваются и сходящиеся друг с другом сети заменяют пирамидальные организации. И эти сети рассеяны по разным местам: их члены живут во множестве разных стран, что еще больше подчеркивает их детерриториализацию» [1, с. 97]. Акцентируясь, на ИГИЛ (точнее, думается говорить все-таки «ИГ»), необходимо заметить, что по нашему мнению «ИГ» не является классическим государством, по его признакам. «ИГ» это *этап развития политического ислама*, который имеет своей задачей **уничтожить власть банкиров и ростовщиков**. «ИГ» это некий скальпель в руках хирурга, с помощью которого «ИГ» проявляет нелояльность «мировому порядку». Тем более определенную часть бойцов «ИГ» составляют лица не исламского толка (мусульмане), а европейцы (французы, англичане и др.). Поэтому мы считаем, что «ИГ» это подвижный ансамбль, который является, ничем иным, как сетью. И, в-восьмых, что является самым главным! Если провести параллель между сегодняшним глобальным терроризмом и второй антиколониальной волной терроризма, имевший место, как выше мы указывали в период времени с 1920 годов до 1960 годов XX века, то можно высказать мысль. На наш взгляд, и тогда, и сегодня, терроризм является «борцом с мировым империализмом», против «нового мирового порядка», против навязываемых другим народам ли-

беральных ценностей Запада. Разница лишь в том, что около 50–60 лет назад борьба осуществлялась под эгидой «левых идей», «марксистских теорий», которые себя исчерпали и дискредитировали. В настоящее время «левые» идеи ослабли и превратились в «конформистский суррогат» при этом инфильтрованы агентурой мирового правительства. В настоящее время эта борьба носит религиозный характер, так как складывается сегодня новая политическая теология, являющаяся теологией сопротивления и освобождения.

К вопросу стратегии борьбы с терроризмом

Как мы уже указывали выше, терроризм в настоящее время имеет детерриториализованный характер, то есть не имеет «оседлости на определенной территории, что приводит на наш взгляд к смещению полицейских и военных функций (и естественно к смещению задач). Пример со Второй мировой войной, где на оккупированных территориях, оккупационные войска, использовали против партизан (сопротивление) механизм полицейской технологии (розыск, обыски, аресты, допросы подозреваемых, и т. п.), при чем на этом фоне, сотрудничающая с войсками полиция, стала более милитаризованной. На сегодняшний день можно говорить, о глубоком смещении полицейских [17] и армейских задач, которые в борьбе с терроризмом достигает таких масштабов, что, по нашему мнению, достигается стирание границ между внутренними делами и международными. Симбиоз между полицейским и военными функциями наиболее заметен в США, так как все-таки террористы всего мира первым врагом считают Соединенные штаты Америки, которые в свою очередь пытаются обезопасить себя. «С 2000 года «смещение» систем внутренней безопасности и военных стратегий изображается в США в качестве идеальной глобальной рамки с террористическими угрозами» [23]. Еще в докладе 2002 года «The National Security Strategy» («Стратегия национальной безопасности») определено, что «сегодня разница между внутренними делами и международными уменьшается» [39, с. 29]. И естественно, специалисты по борьбе с терроризмом все чаще обращаются за советами к криминологам [40]. 27 мая 2010 года была обнародована стратегия национальной безопасности США Администрации Б. Обамы, где указывалось на преемственность и новизну стратегических ориентиров США в сфере национальной безопасности и борьбы с терроризмом в XXI веке [15, с. 11]. Анализируя стратегию национальной безопасности США на 2015 год, можно указать на следующее: «...в отличие от предыдущей (2010) редакции она имеет явную антироссийскую направленность и формирует негативный облик нашей страны. Таким образом, Стратегия разработана на основе принципа американской исключительности,

права на односторонние действия по защите и продвижению интересов США в мире и несет в себе активный антироссийский заряд...» [4, с. 3–10].

Более того, терроризм — это война в мирное время, это, как мы уже отмечали, естественно указывает на стирание между военными и полицейскими функциями и больше все таки связана по этой причине с полицейскими функциями. Полицейский всегда рассматривает противника, отлично от военного, полицейский не просто борется с преступностью, он обязан стремиться ее уничтожить. Поэтому борьба с преступностью не подразумевает окончание войны (борьбы) и мирный договор после окончания ее, как это всегда случается в «регулярных войнах». Но, преступность на наш взгляд, должна осуждаться не только социально, но и нравственно-морально. И тезис, который утверждается с XIX века «терроризм не является легитимной политической деятельностью. Он относится к сфере преступности» [41, с. 113], действительно ли он верен? Нужно определиться, чем является на сегодняшнем этапе терроризм формой преступности или новой формой ведения войны? [24, с. 365–389; 31, с. 69–91]

Терроризм форма преступности или форма войны?

Разумеется, для тех, кто «ведет бой» с терроризмом, как бы все предельно ясно, для них террористы преступники. Даже в дискурсах, те характеристики террористов, которые они используют, описывают террористов, как преступников. И в этом ничего нового нет. Например, еще во время гражданской войны в Вандее, между сторонниками и противниками революции во Франции в XIX веке, повстанцев называли «разбойниками». Но если взять колониальные войны и опираться на насильственный характер борьбы против колониалистов, непредсказуемость акций против них со стороны террористов, для характеристики последних использовался термин «борцы за свободу». Поэтому поставить знак тождества между «террористами» и «преступниками» в смысле норм действующего уголовного права, в принципе можно, это намного проще, чем предоставлять при аресте им статус политических заключенных. По описанию некоторых авторов террористы напоминают не только преступников, но в то же время психически больными людьми, что основываясь на кано́нах уголовного права, должно исключать преступность деяния с их стороны. Пьер Маннони пишет: «В рамках семантического поля, террориста регулярно обозначают такими терминами, как «преступник», «убийца», «бандит», что сводит его к статусу неприемлемого хулигана, нарушителя общественного порядка и спокойствия, или же такими терминами, как «варвар», «дикарь», «кровавый безумец», «монстр», которые сдвигают террориста к области ду-

шевных заболеваний или же грубо естественного состояния, нецивилизованности» [43, с. 41]. М. Уолцер указывает на то, что «террористы напоминают тех разнужданных убийц, которые крушат все на своем пути» [44, с. 80]. Ч. Ломброзо, итальянский врач психиатр, считал, что между прирожденной преступностью и эпилепсией существует взаимосвязь и этим «вполне объясняется тот факт, что среди политических преступников так часто наблюдаются случаи *политической эпилепсии и политической истерии*» [9, с. 252]. По мнению Ч. Ломброзо среди анархистов (исследуя работы Ч. Ломброзо, становится понятным, что то описание, которое он дает анархистам своего времени, подходят под террористов сегодня, так как практически *все анархисты участвовали в революциях и террористической деятельности*) встречаются в большом количестве, также сумасшедшие и маттоиды. Про первых Ч. Ломброзо указывал, что «Среди анархистов встречаются и такие, у которых гениальное помешательство заменяет гений или необходимый для деятельности возбудитель... Сюда же относятся и душевнобольные политические деятели, которые действуют самостоятельно и в одиночку; они убивают лиц, стоящих во главе государства...» [9, с. 257]. Относительно маттоидов Ч. Ломброзо пишет: «Встречаются среди анархистов и маттоиды... очень часто появляющиеся в периоды революций и во время восстаний... в жизни они могут быть даже очень ловки и изворотливы, и часто мы их встречаем в роли врачей, депутатов, военных, профессоров, государственных деятелей. От нормальных людей их отличает необыкновенное трудолюбие и усердие в делах, которые не входят в их компетенцию и превосходят их нравственные силы... больше всего их ненормальность сказывается не в самих идеях, которые они проповедают, а в их противоречивости с самим собой... Бред их может внезапно смениться импульсивной бредовой формой или под влиянием голода, или иногда вследствие обострения различных неврозов, часто сопровождающих болезнь...» [9, с. 259—260]. Исходя из приведенного описания террористов, общество часто задается вопросом и не может понять, как рассматривать террориста? Как преступника, как сумасшедшего или как «сумасшедшего-преступника» и как вообще расценивать террористические акты, кажущимися иногда непонятными и не находящими в мнении общественности оправдания. Реакция общества на террористические акты понятна: «чего они хотят?», «зачем они это делают?», «что им вообще нужно?»).

Весь смысл в том, что подобные поставленные вопросы и ответы на них, не могут в полной мере способствовать раскрытию полной сущности терроризма, а тем более определить его причины. С одной стороны, если рассматривать тер-

рориста просто как «преступника», то это связано с тем, что уголовное право запрещает убийство и отсутствует в данном моменте легитимность на него. В любой же войне убийство легитимно, не бывает войны без убийства, когда на войне убивают, часто слышим само собой как бы разумеющийся ответ: «Ну, это же война», даже когда гибнут не только военные, но и мирное население, в результате бомбардировок или иных действий военных.

Две противоборствующие стороны: с одной — террорист, который убежден (в отличие от классического преступника), что его деятельность в высшей степени легитимна, и полезна для блага общества в недалеком будущем, насилие же, применяемое с его стороны, террорист рассматривает как способ отражения насилия в отношении его со стороны государственной власти. С другой стороны — борцы с терроризмом, они его пытаются считать преступником, умышленно пытаются не видеть никаких политических целей в деятельности террористов (если официально видят, то делают это с большими оговорками). При этом официально заявляют, что вся деятельность террориста (террористов), не может быть связана с политической борьбой, указывая на то, что настоящая политическая борьба в цивилизованном обществе осуществляется мирным парламентским путем (выборы, возможно референдум и т. д.) То есть, происходит публичное обсуждение механизма деятельности террористов, с целью придать этой деятельности характер «простого» преступления, не имеющего отношения к политической борьбе. Следует заметить, что отрицание политического характера терроризма, никаким образом не связывается эмоциональной окраской реакции самого общества, его мнения в целом. В связи с этим К. Перси указывал: «Оно связано с обдуманном намерением затуманить политическое послание, содержащиеся в теракте, так же как и с отрицанием истины, понимаемым в качестве условия *sine qua* поп установления нового этоса» [34, с. 21]. К. Шмитт, очень верно на наш взгляд описывает противостояние двух сторон в этой «битве»: «Но в тоже время легко допускают, что террористы ведут войну против государства, поэтому последние также должны ответить войной. Однако применение термина «война» не может не быть двусмысленным. Традиционные войны завершаются мирными договорами, что в данном случае исключено. Следовательно, модель войны, которая неявно продолжает работать, — это тотальная, моральная или «полицейская» война, в которой дело не только в том, чтобы победить, но и в том, чтобы уничтожить врага» [21, с. 89].

Разница между «регулярной» и «тотальной» войной

К. Шмитт указывает, что «теологи обычно определяют врага в качестве того, что должно быть уничтожено» [21, с. 89]. Примерно так же, как

К. Шмитт, мыслят и сторонники «тотальной войны», она же «справедливая война» и примерно так же, кто борется и ведет войну с терроризмом, т. е. «враг должен быть уничтожен с точки зрения теологии».

Мы думаем, что становится понятно, что война с терроризмом («тотальная война») по своей природе отличается от традиционной (регулярной) войны, тем, что она относится и к полицейским технологиям воздействия на врага и относится к классическим военным действиям. И думается верно, замечает М. Уолцер, что «...«война с терроризмом», — это прежде всего «полицейская работа», но в то же время в ней используются военные средства, тогда как полиции, за исключением случаев легитимной обороны, не разрешается убивать гражданских лиц, даже если это преступники. Если подумать об этом, правила полицейской работы, относящиеся к побочному ущербу, гораздо более жесткие, чем применяемые солдатами» [27].

Любая государственная власть говорила и говорит всегда о том, что с терроризмом не ведут переговоров, но, наверное бывают случаи, что власть в тайне выплачивает большую сумму денег террористам, например за освобождение заложников. Хотя, наверное, и сам «глобальный терроризм не желает вести никаких переговоров, и этим он отличается от киднэппинга, на который, с другой стороны, так похож» [1, с. 106–107]. Даже с точки зрения уголовного права, при рассматривании состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ «Террористический акт», субъективная сторона лиц, совершивших данное преступление, выражается в форме прямого, но не конкретизированного умысла, а соответственно состав является с альтернативными последствиями. Цель с точки зрения уголовного права является специальной — воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями. Воздействие одной стороны и принятия решений другой стороны, могут быть таким альтернативными, что их трудно описать. Поэтому мы считаем, что террористы используют свои средства, для нанесения максимального ущерба, лишь с той целью, чтоб как раз создать условия для переговоров. Терроризм преследует всегда, какую — то конкретную цель: чтобы Франция перестала оказывать поддержку алжирскому режиму, чтобы США изменили свою политику на Ближнем Востоке, чтобы Россия ушла из Сирии и т. д. Мы склонны расценивать, тезис: «с терроризмом не ведутся переговоры», как всего лишь отказ идти на уступки террористам и попытаться самой властью решить проблему мирным путем, не желая понять, настоящих целей террористов. «Любой террористический акт, даже когда, кажется, что у него нет никакой цели помимо его самого, является носителем

политического послания, которое требуется расшифровать» [1, с. 108]. Думается прав Перси Кемп, когда пишет, что «Чем больше демократии будут отмахиваться от политического послания, передаваемого терроризмом, тем большую лавину насилия они будут провоцировать, способствуя превращению террориста в ангела мщения» [22, с. 20]. Мы хотим, чтобы нас «правильно» поняли, так как выше сказанное вовсе не означает, что теракты не являются преступлениями. Но преступлениями политического характера, для того, чтобы это признать, необходимо понять весь контекст и причины, позволяющие рассматривать терроризм, как политическое преступление. Другими, более простыми словами, «в политическом преступлении политика предшествует преступности, и именно поэтому его нельзя уподоблять обычному уголовному правонарушению» [1, с. 108]. Таким образом, мы считаем, «представление терроризма как иррационального исполнения исключительно патологических ил преступных действий не имеет ничего общего с действительностью. Терроризм вписывается в политический горизонт, он отвечает за определенную стратегическую логику» [1, с. 109]. И даже если считать, что преступный умысел не конкретизированный при совершении теракта, то все равно «Даже слепые теракты, бьющие по анонимным жертвам, являются следствием обдуманного решения, а потому подчиняются точному намерению. Все в них просчитано для того, чтобы произвести определенный эффект... распланировано буквально всё: действующие лица, места, модальности и, главное, медийные и политический последствия» [43, с. 8]. Эффект страха, зрелищного ужаса, один из механизмов реализации цели террористов, «... то есть его зрелищность неотделима от цели, которую он себе ставит. Его подлинное влияние имеет психологический характер» [1, с. 113]. В свое время Йордан Пауст писал, что «конечная цель террористического акта заключается в использовании страха и тревоги, вызываемых для того, чтобы навязать основной цели определенное поведение или же вынудить ее изменить свою политику в желаемом направлении» [41, с. 21]. Из данного определения хорошо видно, что «основная цель» для террористов ни та, которая «бросается в глаза», которую видит население и государственные силовые органы, а «основная цель — это всегда мишень, по которой террористы стремятся ударить рикошетом» [1, с. 114]. В связи с этим говоря о глобальном терроризме, можно вспомнить Нью — Йоркские «башни близнецы», где цель террористов, была направлена не на первичный эффект, когда взорвали башни. А на вторичный эффект, порожденный этим взрывом, т. е. создания в общественном мнении ужаса, нанесении психологической травмы населению,

тем самым «предупредив» его, что «террористы везде и они готовы вступить в бой для достижения своих генеральных целей».

Проблемы асимметрии в борьбе с терроризмом

Говоря о противодействии терроризму, следует указать, что в настоящее время не ведется речь о достижении равновесия сил в борьбе с терроризмом. На сегодняшний день, в этой проблеме является именно понятие **асимметрии** (а не несимметричности, которая отмечает лишь количественное неравенство наличных сил). Сама природа феномена «войны с терроризмом», указывает на то, что эта война ассиметричная, в соотношении качества ее ведения. Во-первых, так как террорист не располагает ни какими *законными технологиями* т. е. классическими средствами противоборства, он вынужден обращаться к технологиям терроризма. Во-вторых, *цель* нанесения удара имеет полную *асимметрию*, т. е. на удар террористов, сложно ответить в том смысле, что неизвестно где они могут находиться после совершения ими террористического акта. В-третьих, *асимметрия средств*: «11 сентября 2001 года за несколько минут устарели все военные корабли, атомные бомбы... когда против них вышли несколько десятков «фанатиков», вооруженные ножами и резаками. Теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне, реализованы на смехотворные средства, пошатнули Америку...» [33]. В-четвертых, асимметрия — *психологического порядка*: «огромная пропасть отделяет людей, для которых многие вещи хуже смерти... На Западе люди в наши живут в «расколдованном» мире, предполагающем, что нет блага выше жизни...» [1, с. 112]. Либеральная идеология, вообще не хочет «дружиться со смертью», как будто, смерть, что-то из ряда вон выходящее и ее нужно *элиминировать*, подальше в жизни человека, как будто ее не существует. «Сегодня кладбище вытесняется за город, а раньше погосты стояли в центре населенных пунктов, были местом совета; мертвые предки принимали участие в решении наиболее важных политических вопросов, и сама агора — площадь, где принимались политические решения — была кладбищем...» [2, с 346–347]. Видимо в современном обществе для человека, смерть сейчас, страшнее, чем ад потом. В связи с этим очень верно замечает Перси Кемп «... когда в центре вселенной поставили человека, а не бога, заменив страх ада страхом смерти» [22, с. 19]. Именно отсюда, мы наблюдаем радикальную асимметрию между террористами, готовыми умереть за идею, отдав свою жизнь за нее, ведь у них как раз нет «страха смерти» и они не понимают в чем жизнь, ценнее смерти, и теми, для кого такое поведение действительно «непонятно» поскольку для них жизнь всегда — самое ценное. «У тех, кто думает о другом мире, и тех, кто думает о своей пенсии,

не может быть никакой общей меры. Для террористов смерть — это, скорее, награда. Против этого желания возведенного в абсолютное оружие, у Запада, конечно, нет никаких средств» [1, с. 113]. *В-пятых*, в ходе террористических акций гибнет намного меньше людей, чем от бытовых убийств; в дорожно-транспортных происшествиях, или в России погибает от алкоголя за одни календарный год. Именно в этом смысле терроризм также асимметричен.

В-шестых, материальная асимметрия, заключающаяся в том, что на ведение войны нужны денежные и человеческие ресурсы, а также оружие. Соответственно и первое, и второе, и третье террористам приходится искать на «земле», государство же при противодействии терроризму материальные средства на это закладывает в государственный бюджет. У государства также имеется механизм принуждения и подавления: армия и полиция.

Масс-медиа или медиаманипулирование, как абсолютное оружие психологической войны

Нам понятно, что «Теракты, это просто средства воздействия на общественное мнение и оказания давления на государственную политику» [1, с. 114]. Откуда население, на территории которого никогда не было террористических актов узнает о негативных последствиях терактов? Ясно, что в современном мире это делается за счет телевидения. Интернета и других СМИ, проще сказать, за счет масс-медиа. Дело в том, что телевидение создает эффект личного присутствия, в процессе зрелищности терактов, которые бросаются в глаза и воздействуют на воображение человека. «...телевидение для человечества «окно в мир», главный поставщик знаний о происходящих событиях. Даже если, что-то важное и значительное случается в нашем городе и непосредственно на нашей улице... мы вряд ли окажемся непосредственными свидетелями этого события, а скорее всего узнаем о нем из новостных выпусков...» [13, с. 56–57]. Наверное, все замечали, что сегодня жизнь складывается, таким образом, за все нужно платить, в денежном эквиваленте, но вот за центральные каналы телевидения, например в России платить не нужно, информацию дают бесплатно, причем очень доходчиво и понятно. «...Способность телевидения эмоционально и эстетически вовлекать зрителей в свой информационно-пропагандистский поток. Зрителям комфортно в нем... нас снабжают доступным и простым пониманием мира, избавляют от необходимости самостоятельно думать... Это приятная привычка НЕ ДУМАТЬ. Люди легко и охотно поддаются ей, ибо самостоятельное думанье, есть тяжелый труд, вероятно, самый тяжелый из всех разновидностей труда известных человечеству. Поэтому не надо иллюзий: телевидение

оглуляет людей и паразитирует на их умственной лени» [13, с. 58]. Когда по телевидению освещается очередной террористический акт, то все сводится к тому, чтобы создать ужасное, шокирующее, сбивающее с толку зрелище, которое способствует созданию эмоционального волнения у зрителя. Получается так, что телевидение описывает действия террористического акта (терроризма) в реальном времени. Это пусть косвенным образом, но работа всемирной медийной системы связана с подъемом терроризма в мире; это пусть ужасная, но реклама. Телевидение это конечно же «эффект личного «личного присутствия»... То, что мы видим по ТВ, мы непроизвольно помимо собственной воли воспринимаем, как происходящее на наших собственных глазах, как событие свидетелем которого мы непосредственно выступаем. А себе мы, естественно доверяем; и это доверие себе невольно проецируется на доверие телевидению» [13, с. 56]. Поэтому ужасающее воздействие террористического акта зависит не столько от того, какое оно было на самом деле (т. е. какая была его внутренняя сила), сколько от того, что о нем скажут или покажут. Соответственно, если ничего вообще не скажут, и не покажут, это то же самое, что его не было вообще. Из этого следует, что на сегодняшний день «...медийное распространение террора, столь же важно, как и сами акты. Вот почему медиа становятся невольными сообщниками террористов... сама сущность современного терроризма требует использовать медиа в качестве службы передачи сообщений» [42, с. 84]. Как указывал П. Вирильо «оружие массовой коммуникации стратегически превосходит оружие массового поражения» [18, с. 96].

К современному определению терроризма

Лицо, которое способным на «всё», для достижения своих целей, и которое «невидимо», которое раздражает своей «невидимостью» и уязвимостью общество, но при этом присутствует практически повсюду, является для общества врагом и террористом. В связи с этим Франсуа-Бернар Хьюге, упоминает президента США Джорджа Буша, когда пишет: «Джордж Буш, первый, кому приходится вести свой главный бой с опасностью, которая состоит не в мощи противостоящей империи, а в моральной извращенности невидимой группы» [45]. Естественно, что «невидимость», террориста, его непредсказуемость усиливают страх, вызванный угрозой, которую терроризм представляет. После воздействия на сознания средств масс-медиа, появляются в обществе всевозможные идеи о заговорах, что является собой парамнезию общей подзрительности. «Терроризм — это война в мирное время, даже война в форме мира, это «глобальная война», то есть тотальная» [1, с. 117].

Говоря о терроризме, мы частично, в контексте «без конца», соглашаемся с высказыванием П. Вирильо, который указывал: «вместе с терроризмом мы вступаем в эпоху войны без конца и цели» [18, с. 97]. Цель у террористической деятельности конечно же имеется, но спорным является способность ее реализации. Это проистекает из противоречия того, что террористы не могут рассчитывать на победу над своими противниками, и в то же время другая сторона отчетлива понимает, что не сможет уничтожить терроризм, как социальное явление. Даже несмотря на то, что борьба с терроризмом ведется в разрезе превентивного решения задач борьбы с ним. Для перехода границы государства и обнаружения на ее территории террористических сетей, используются различные механизмы и формы вмешательства. Самым классическим способом вмешательства в дела другого государства, является западная концепция «прав и свобод человека», которая утверждает гегемонию США во всем мире и преследования под прикрытием борьбы с терроризмом, всех «инакомыслящих», нарушающих западную идею «прав человека» [12], то есть тех, кто не желает жить по «лекалам» Соединенных Штатов Америки (незначительными поводами могут быть: борьба с наркоторговлей, организованной международной преступностью и т. д.)

Определение терроризма, которое дают государственные власти, или толковые словари являются весьма широким, не выражающими сущности терроризма. Например в одном из самых известных толковых словарей С. И. Ожегова, под терроризмом [11, с. 1186] понимается: «Политика и практика террора; деятельность террористов», террорист [11, с. 1186], соответственно понимается, как «участник актов террора», а террор [11, с. 1184], как «террористический акт». Такая неопределенность, на наш взгляд, возможно и умышленная, дает возможность, в интересах определенных государственных групп объявлять преступными, террористическими различные виды поведения и деятельности, подозревать «инакомыслящих» и «неугодных», вместе с тем оправдывать меры упреждающего задержания, ограничивать время общения обвиняемых с адвокатами, осуществлять ряд оперативно-разыскных мероприятий без законных оснований (ст. 7 ФЗ об «Оперативно-розыскной деятельности») и условий (ст. 8 ФЗ об ОРД) и т. д. Именно поэтому, хотя антитеррористическое законодательство и направлено против лиц подозреваемых и обвиняемых в преступлениях террористической направленности, это не говорит о том, что оно не затрагивает все население, что естественно приводит к настоящему перевороту, как в уголовном, так и уголовно-процессуальном праве.

О политическом мышлении

Вся политическая, сегодняшняя мысль, весь дискурс, связанный с борьбой с терроризмом, «внутренней безопасностью», переходящий в «национальную безопасность», либо соотносят с гражданским обществом, где нет государства с определяющими его признаками, либо ведя речь и дискурс о «безопасности» пытаются вычленив его за пределы публичного обсуждения, элиминировать все проблемы связанные с «безопасностью», показывая их в новой форме «деполитизации» (*если «аполитичность», мы рассматриваем, как безразличие к политике, то «деполитичность», некий симулякр, выдача за политическое, то, что им не является*). Иначе говоря, исследуя работы авторов [8, с. 75–78; 14, с. 74–79], где якобы имеется дискурс о национальной безопасности, на самом деле имеем дело с полным отсутствием «ретроспективного анализа» и «деполитизацией» в исследовании; причина на наш взгляд ясна, конформистское мышление проникло в среду ученых. Авторы, «заразившись» конформистским мышлением, которое преобладает в обществе, не хотят (или боятся) работать на слом действующий парадигмы, а это не только не научно, но и «деполитично», прослеживается, некая «скованность» авторов, как будто они «держат свою мысль за хвост и не дают ей взлететь». Нигде не встречается в ходе исследования литературы у современных **российских авторов**, пишущих «о борьбе с терроризмом», «о национальной безопасности», та мысль, что «Посягательства на свободы стали возможными благодаря ожиданиям и желаниям граждан, связанными с вопросами безопасности: желание безопасности заслоняет желание свободы...» [1, с. 135]. Иными словами, когда речь идет о собственной власти и ее безопасности, сразу «забывается» концепция «прав и свобод человека», происходит ограничение свобод граждан [12]. Поэтому «истинная победа терроризма — в том, что он погрузил весь Запад в атмосферу страха, одержимостью безопасностью, которая само является не более, чем завуалированной формой перманентного террора» [29].

Более того, современный терроризм не является секулярной организацией, в том смысле, что религия, в том же исламе тесным образом связана с другими общественными отношениями, и даже имеет мощный рычаг регулирования общественных отношений и оказания на них влияния. В обществе либерального толка, где эгоизм, есть высшая добродетель, и все определяется экономической зависимостью вряд ли возможны, такие понятия как «спасение души» или «смерть за веру». «Религиозное сообщество может потребовать от своего члена, чтобы он умер за веру смертью мученика, но только — ради спа-

сения своей собственной души, а не за церковное сообщество как властное образование... В обществе, определяемой экономикой... ни с какой мыслимой точки зрения невозможно потребовать, чтобы какой-либо член общества пожертвовал жизнью в интересах его бесперебойного функционирования» [25, с. 48]. Именно вплетенная в либеральное гражданское общество концепция «прав человека», где обязательно присутствует индивидуальный эгоизм, по мысли К. Шмитта и оказывает роковое влияние, на то, что терроризм имеет преимущество в войне. «Политическое единство должно в случае необходимости требовать, чтобы за него отдали жизнь. Для индивидуализма либерального мышления это притязание никоим образом недостижимо и не может быть обосновано. Либерализм, который отдает распоряжение физической жизнью индивидуума ком-то другому, а не самому индивиду, был бы столь же пустой фразой, как и либеральная свобода, о содержании и мере которой принимал бы решение кто-то другой, а не сам свободный человек» [25, с. 70].

На основании вышесказанного, мы предлагаем свое определение, специфической формы терроризма, а именно «международного». Итак, **международный терроризм — это тотальная война в мирное время, со всеми ее признаками (т. е. до полного уничтожения, не предусматривающая окончания войны миром, как это предусмотрено в «регулярной войне»), носящая религиозный характер, основанная на политической теологии легитимного сопротивления, освобождения от воздействия империалистических держав, а также уничтожение их и «нового мирового порядка», который представляет собой концепцию мирового устройства, являющегося собой отображение неокolonизма Запада и его сателлитов.**

Литература:

1. Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня / Перевод с французского — Институт Общегуманитарных Исследований, 2014. с. 192
2. Дугин, А.Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. — М.: Академический проект, 2014. с. 683.
3. Ион Михай Пачепа. Рука Москвы. Какое отношение имеет Россия к недавней войне в Ливане? // «National Review», США. 28 августа 2006 года. Цитируется по: ИноСми. ги.
4. Зарубежное военное обозрение. 2015, № 6, с. 3–10

5. Какое отношение имеет Россия к недавней войне в Ливане? — пер. с англ. ИноСМИ. ру, 28/08/2006. Рука Москвы («National Review», США)
6. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. («Гагская конвенция» принята 16 декабря 1970 года).
7. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. (Монреаль, принята 23 сентября 1971 год).
8. Колосова, В. А. Понятие национальной безопасности: ретроспективный анализ. Приволжский научный вестник. 2015 № 12–2 (52). с. 75–78.
9. Ломброзо, Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты: Монография / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2014. с. 320.
10. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников. (Принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года).
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп., М.: Азбуковник, 1999. — с. 1376.
12. Середнев, В. А. Идеология «прав и свобод человека» как вредоносный фактор для русской культуры и российского государства. Экономика, социология и право: журнал научных публикаций. — № 10 (октябрь) / Науч.-инф. Издат. Центр «Институт стратегических исследований». Москва. 2016. с. 45–54.
13. Соловей, В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования / Валерий Соловей. — Москва: Издательство «Э», 2015—320 с.
14. Толстолуцкий, В. Ю, Статуев А. А. О некоторых аспектах юридического сопровождения национальной безопасности. Приволжский научный вестник. 2014. № 12–2 (40). с. 74–79.
15. Чапчиков, С. Ю. Поиск нового курса о новой стратегии национальной безопасности / Право и управление. XXI век. 2010. № 3. с. 11.
16. Alex, P. Schmid, Albert J. Jongman (ed.), Political Terrorism. A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Theories, Data Bases, and Literature, Transaction Books, New Brunswick, 1988.
17. Alessandro Dal Lago, Polizia globale. Guerra e conflitti dopo l'11 settembre, Ombre corte, Verona, 2003.

18. Virilio, P. «L'État d'urgence permanent» // Le Nouvel Observateur, Paris, 2004, p. 96,97
19. Gérard Chaliand, «La mesure du terrorisme» // Stratégique, Paris, 1997, 2–3, p. 10.
20. Carl Schmitt, Théorie du partisan // La notion de politique — Théorie du partisan, Calmann-Lévy, Paris, 1972, 2e éd.: Flammarion, Paris 1992, p. 257,303.
21. Carl Schmitt, Ex captivitate salus, Greven, Köln, 1950, p. 89.
22. Carl Schmitt, Théorie du partisan // La notion de politique — Théorie du partisan, Calmann-Lévy, Paris, 1972, 2e éd.: Flammarion, Paris 1992, p. 20, 19.
23. Carolyn Pumphrey, ed., Transnational Threats, Blending Law Enforcement and Military Strategies, US Army War College, 2000.
24. Christopher Daase, «Terrorismus und Krieg. Zukunftsszenarien politischer Gewalt nach dem 11 September 2001» // Rüdiger Voigt (Hrsg.), Krieg-Instrument der Politik? Bewaffnete Konflikte im Übergang vom 20. Zum 21. Jahrhundert, Nomos, Baden-Baden, 2002, p. 365–389.
25. Schmitt, C. Der Begriff der Politischen. Berlin: Duncker & Humblot, 1963, p. 48,70
26. Marcel Reinhard, Le Grand Carnot, Hachette, Paris, 1994, p. 432.
27. Michael Walzer, «Terrorisme morale et guerre juste», interview Jean-Marc Fluckiger, site Web terrorisme. Net, 30 апреля 2006.
28. Jean-Yves Guimmar, L'invention de la guerre totale, XVIII–XX siècle, Félin, Paris, 2004, p. 13–14.
29. Jean Baudrillard, L'esprit du terrorisme, Galilée, Paris, 2001.
30. Joachim Schickel, Gerilleros, Partisanen. Theorie und Praxis, Carl Hanser, München, 1970.
31. Jörg Friedrichs, «Defining the International Public Enemy: The Political Struggle behind the Legal Debate on International Terrorism» // Leiden Journal of International Law, Leiden, XIX, 2006, 1 p. 69–91.
32. Jordan Paust, «A Definitional Focus» // Yonah Alexander, Seymour Maxwell (ed.), Terrorism. Interdisciplinary Perspectives, John Jay Press, New York, 1977, p. 21.
33. Jorge Verstrynge, La Guerra periférica y el islam revolucionario. Orígenes, reglas y ética de la guerra asimétrica, El Viejo Topo, Madrid, 2005.
34. Percy Kemp «Terroristes ou anges vengeurs» // Esprit, Paris, 2004, p. 21.
35. «Neue Rheinische Zeitung» am 7. November 1848.

36. Из ежедневной французской газеты: L'Humanité, 3 августа 1920.
37. «Terrorisme et médiatisme» // De defense, Bruxelles, 25 mai 1998, p. 16–19.
38. Walter Laqueur, The Age of Terrorism, Little Brown, Boston, 1987.
39. Доклад «The National Security Strategy of the United States», 20 September 2002, The White House, Washington, DC., p. 29.
40. Xavier Raufer, «Géopolitique et criminologie. Une féconde alliance face aux dangers du mode» // Défense nationale et sécurité, 2005.
41. Rik Coolsaet, Le mythe Al-Qaida. Le terrorisme, symptôme d'une société malade, Mols, Bierges, 2004, p. 113.
42. Rüdiger Safranski, Quelle dose de mondialisation l'homme peut-il supporter? Actes Sud, Arles, 2005, p. 84.
43. Pierre Mannoni, Les logiques du terrorisme, In Press, Paris, 2004, p. 41,8
44. Michael Wakzer, De la guerre et du terrorisme, Bayard, Paris 2004, p. 80.
45. François-Bernard Huyghe, «Le terrorisme, le mal et la démocratie» // Le Monde, Paris, 2005.

Подходы к определению исламского радикализма

Шегаев Илья Сергеевич, кандидат политических наук, эксперт
Российское общество политологов

В статье обозначены подходы к определению исламского радикализма. Автор выделяет три дифференцированных варианта: «нерелигиозный», исключающий конфессиональный оттенок, «религиозный», основанный на сакральной связи конфессии и насилия, а также «политический» — основанный на идее исключительного ангажирования радикализма, исключающего любые иные мотивы.

Ключевые слова: исламский радикализм, терроризм, религия, ислам, политика, причины терроризма

The article marked approaches to the definition of Islamic radicalism. The author distinguishes three differentiated variants: «non-religious», which excludes the confessional tone, «religious», based on the sacred connection confessions and violence, as well as «political» — based on the idea of the exclusive engagement of radicalism, excluding any other motives.

Keywords: Islamic radicalism, terrorism, religion, Islam, politics, the causes of terrorism

В начале июня 2016 г. Государственным Департаментом США был опубликован сводный доклад об уровне терроризма в мире, включающий подробный ситуативный анализ деятельности террористических формирований [3]. По данным аналитики, в 2015 г. в мире действовало 58 террористических группировок, инициировавших в общей сложности 11774 терактов в 92 государствах. Общее число жертв оценивается в 28300 человек. Отмечается активизация терроризма в Афганистане, Египте, Сирии, Турции. Обще напряженным регионом по-прежнему остается Ближний Восток и Северная Африка. Особенно подчеркивается роль стран-санаторов терроризма. Ее отводят Ирану. Справедливости ради отметим, что ИРИ — не единственное государство, уличенное в спонсировании террористической активности. Широко известно участие в «экспорте» радикализма Саудовской Аравии и Катара.

Все эти государства вне зависимости от их географического местоположения, так или иначе, объединяет ислам в его суннитском или шиитском воплощении, различных общественно-политических формах. В этой связи определение детерминации радикализма в исламской культуре было и продолжает оставаться вопросом чрезвычайной важности. Обозначим свое видение проблематики.

Идентификация понятия «исламский радикализм» сложна и неоднозначна. Вопрос подлежит рассмотрению в теоретической и практической плоскостях, между которыми наблюдаются существенные противоречия.

Прилагательное «исламский», обозначающее принадлежность к конфессии, как уже упоминалось, по мнению некоторых экспертов [4, с. 9], в принципе несопоставимо с категорией «радикализм», «терроризм» и их производными, поскольку ислам, как и другие религиозные учения, основывается на принципе талиона — золотого правила морали, добродетели и богобоязненности. Эта позиция подтверждается результатами анализа существующих исламских концептов: модернизма, фундаментализма и традиционализма. Ни одна из обозначенных версий не может быть отождествлена с девиантностью или делинквентностью, хотя каждая и имеет свой конфликтогенный потенциал, раскрываемый при определенных условиях.

Таким образом, в рамках этого подхода «исламским» терроризм можно считать лишь условно — это своего рода оксюморон, предполагающий взаимное исключение понятий, употребляемых в словосочетании. Категория «ислам-

ский» в данном случае представляется ментальным отправлением, носителем которого является национальная или этническая группа, для которой мусульманство — традиционная, коренная религия. Любую девиацию с магометанским оттенком можно отнести к сектантским проявлениям, имеющим место во всех мировых, национальных и племенных конфессиях.

Примечательно в этом отношении, что глава Чеченской Республики, ориентированной на традиционное мусульманство, Р.А. Кадыров не употребляет прилагательное «исламское» относительно террористической группировки ИГ, демонстративно заменяя его на «иблиское», подчеркивая явный деструктивный характер формирования.

Второй подход противоположен. Разделяющие его эксперты констатируют тесную связь между религией и террористической активностью. Наиболее крайние из них даже объявляют канонические тексты источниками радикализма. Так, например, профессор А.Г. Дугин отмечает, что сама метафизика ислама предполагает конфликтогенную модель общественно-политического сосуществования мусульман и немусульман: доминирование одних, покорность других, физическая ликвидация всех остальных [1].

Основу третьего подхода составляет идея о том, что терроризм обезличен и представляет собой инструмент реализации исключительно политической воли. В этом контексте, например, проблемы этнонациональной и конфессиональной дифференциации или экстерриториальных претензий перестают играть сколько-нибудь важную роль.

Сторонников, разделяющих последнюю версию, немало. Среди наиболее ярких из них: старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН Р.В. Курбанов и президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский. Несмотря на перманентное публичное оппонирование, позиции экспертов о происхождении террористической активности во многом сходятся. Так, по мнению Р.В. Курбанова, терроризм не является объективно существующей угрозой, но рукотворной и субъективно производной с целью управления сложными (с точки зрения европейского сознания) регионами, ликвидации отдельных политических режимов, блокирования их развития, исключая глобальную конкуренцию [2]. В сущности, к тому же обращается в своей работе и Е.Я. Сатановский, возлагая ответственность за террористическую кампанию на Ближнем и Среднем Востоке на Саудовскую Аравию и Катар, Турцию и США — квартет, в котором каждый субъект преследует конкретные политические задачи: ликвидация конкуренции на рынке углеводородов, борьба с политическими акторами, претендующими на роль доминатора региона, им-

периалистические амбиции, управляемый хаос и т. д. [6]. В данном случае приходится говорить именно о политическом прагматизме, лишенном каких-либо социокультурных детерминант.

Таким образом, в вопросе идентификации исламского радикализма мы наблюдаем несколько дифференцированных подходов. В рамках первого из них ислам и терроризм — категории взаимоисключающие, во втором случае напротив — взаимообусловленные. Третий — практический — подход обезличивает радикализм, перенося его в плоскость исключительно политической ангажированности.

Если говорить о конкретных причинах, следствием которых является террористическая активность то, продолжая логику трех обозначенных подходов, справедливо выделить три группы факторов, сложившихся в их контексте. Обозначим их сообразно: «нерелигиозные», «религиозные» и «политические».

Нерелигиозные детерминанты. В рамках первого, исключающего конфессиональность и политику, подхода можно выделить следующие причины:

- социально-психологическая нестабильность общества;
- неудовлетворенность витальных потребностей;
- искаженная потребность в обеспечении безопасности;
- самореализация/самоактуализация;
- потребность в социальном признании и уважении;
- глобализационная унификация;
- цивилизационность;
- общекультурная деградация;
- этнонациональные противоречия;
- экстерриториальные претензии.

Религиозные детерминанты в свою очередь подчинены сакральной связи конфессии и войны, которая, как ни парадоксально, неразрывна и вариативна, находит отражение во всех вероучениях. Проявляется часто категорией «священная» [5, с. 126].

Если говорить о мусульманской среде, идея воинственной формы джихада (не единственная, но допустимая), обращенного в отношении кафилов, в сущности, была и остается до сих пор одной из центристских, легла в основу канонических текстов, системы шариатского права и др. Примечателен в этом отношении категоричный характер, который можно обнаружить в сакральных текстах ислама. Даже при условии контекстности и коннотаций нельзя исключать фактор конфликтной мобилизации. Призывы к борьбе с неверными лю-

быми доступными средствами приводит решительно настроенных к радикализму. Чудовищных масштабов это достигает в случае с террористическими формированиями, рекрутинг которых основан в том числе на буквальной трактовке или искажении писаний.

Политическая детерминация, как уже было обозначено, состоит в том, что терроризм ангажирован, а его конфессиональные, национальные и прочие аспекты выступают в качестве камуфлирования истинных намерений. Нередко подход приобретает конспирологический облик, однако не перестает быть убедительным и практически полезным.

Обозначенное приводит к мысли о смещении проблемы идентификации радикализма как такового¹ из теоретико-методологической (понятийно-категориальной) плоскости в сферу политической конъюнктуры. В ходе идентификации (признания) того или иного объединения в качестве «радикального», «террористического» перестает иметь значение конфессиональный подтекст и его тонкости. Основополагающим в этом вопросе будет национальный интерес каждого отдельного государства, альянса, группы: в случае, если деятельность формирования отвечает их национальным интересам (политическим, экономическим, военным и др.), то оно признается умеренным, если же нет — радикальным.

В связи с тем, что политическая конъюнктура изменчива и вариативна, сопровождается разного рода спекуляциями и провокациями, нет ничего удивительного в том, что и отношение к объединениям может меняться в соответствии с повесткой национальных приоритетов.

Обобщая вышеобозначенное, необходимо отметить, что роль каждого из рассмотренных подходов весьма значительна, поскольку в совокупности они дают возможность обратиться к проблеме терроризма системно, изучая ее всесторонне. В этой связи аналитическая практика, как представляется, должна обращаться к каждой позиции, развивать ее и, учитывая вектор, оценивать потенциалы и риски.

¹ В данном случае мы говорим о радикализме в принципе: исламском, христианском или том, который находится за пределами конфессии. Проблема характеристики действий населения Луганского и Донецкого регионов Украины, не имеющая отношения к религии, в контексте мировой политики также не однозначна. Ярлыки распределяются контрастно: между «повстанцами-сепаратистами» и «борцами за самоопределение». В отношении одних проводят АТО, в случае с другими — оказывается поддержка.

Литература:

1. Дугин, А.Г. Ислам // Лекционный материал МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AmOSFM5HRqM> (дата обращения: 05.01.2017 г.)
2. Курбанов, Р.В. Что ждет Дом Саудов? // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. с. 143–153.
3. Миклашевская, А. Госдеп отметил роль Ирана и ИГ в мировом терроризме // Коммерсант. — 2016. — 03 июня.
4. Митрохин, Л.Н. Религия и терроризм // Терроризм и религия: сборник материалов Общественно-консультативного совета по проблемам борьбы с международным терроризмом РАН. — М.: Наука, 2005. — 199 с.
5. Религия и политика / С.И. Самыгин, К.В. Воденко, В.Н. Нечипуренко. — Ростов н-Д: Феникс, 2016. — 286 с.
6. Сатановский, Е. Я. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями. — М.: Эксмо. 2012. — 387 с.

Научное издание

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

III Международная научная конференция
г. Казань, май 2017 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Издательство «Бук», г. Казань

Подписано в печать 24.05.2017. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 4,23. Уч.-изд. л. 2,99. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Бук»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25